

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ДЖЕНА
ШОУОЛТЕР

Владыки Преисподней

ТЕМНАЯ
НОЧЬ

HARLEQUIN[®]

Владыки Преисподней

Джена Шоуолтер

Темная ночь

«Центрполиграф»

2008

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Шоултер Д.

Темная ночь / Д. Шоултер — «Центрполиграф»,
2008 — (Владыки Преисподней)

ISBN 978-5-227-07985-5

Всю жизнь Эшлин Дэрроу страдала от голосов из прошлого. Для того чтобы положить этому конец, она приезжает в Будапешт, где, по слухам, есть люди со сверхъестественными способностями, и попадает в руки Мэддокса. Мэддокс – один из шестерых бессмертных воинов. Скованные древним проклятием, они должны отправиться на поиски священной реликвии богов, которая грозит уничтожить их всех. Эшлин и Мэддокс не могут сопротивляться моментально возникшей между ними непреодолимой страсти. Но с каждым жарким прикосновением и пылким поцелуем они приближаются к опасной грани, за которой смерть.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07985-5

© Шоултер Д., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джена Шоултер

Темная ночь

Gena Showalter
THE DARKEST NIGHT

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Darkest Night
Copyright © 2008 by Gena Showalter

«Темная ночь»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

Каждую ночь Мэддокс умирал. Умирал медленно и мучительно. И каждое утро он вновь просыпался живым и в полном отчаянии, ибо твердо знал, что будущей ночью все повторится. Таково было тяготевшее над ним страшное проклятие – его вечное наказание.

Он пробежал языком по зубам – до чего же хотелось вонзить их в чью-нибудь глотку. Солнце уже зашло, и Мэддокс всем существом чувствовал, как ускользает время, как секунды складываются в минуты и, насмешливые, равнодушные, уносятся прочь, приближая ночную агонию. Еще час, и он истечет кровью. И с этим ничего нельзя поделать: что бы он ни предпринял, что бы ни сказал, все случится как всегда – он будет мучиться, а затем умрет.

– Чертовы боги! – прорычал он и принялся ворочать штангу с удвоенной энергией.

– Ублюдки. Все они, – раздался у него за спиной знакомый мужской голос.

Мэддокс продолжал с остервенением жать штангу, не обращая внимания ни на самого вошедшего, ни на его слова. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Он пришел в спортзал несколько часов назад в надежде, что физическая нагрузка поможет обуздать душившую его ярость. Подвесной мешок, беговая дорожка, теперь штанга – Мэддокс перепробовал все. Он обливался потом, едва не терял сознание от напряжения и усталости, но, увы, чем дальше, тем больше страсти брали над ним верх.

– Ты не должен здесь быть, – бросил он.

Торин вздохнул:

– Слушай, я не хотел мешать, но кое-что случилось.

– Ну а я здесь при чем?

– Нужна твоя помощь.

– Я не могу помочь, – ответил он холодно и безучастно.

Несколько последних недель Мэддокс был на взводе, любая малость приводила его в иступление, и тогда он становился смертельно опасен для окружающих. Даже для друзей. Особенно для друзей. Он очень любил их, но временами жажда крушить и убивать становилась сильнее его, затмевала разум, лишала воли.

– Но, Мэддокс...

– Я на пределе, Торин, – прохрипел он. – От меня сейчас будет больше вреда, чем пользы.

Мэддокс хорошо знал пределы своих возможностей. Собственно, все неприятности начались для него и его друзей с того, что он переоценил себя.

В тот далекий день боги обошли его доверием, поручив задание, которое он по праву считал своим, другому воину, вернее – воительнице. Пандора не знала равных на поле брани, но до Мэддокса, по его мнению, ей было очень далеко. Он был сильнее, выносливее, опытнее. И тем не менее хранительницей Дим-Униака, священного ларца, где томились в заточении демоны, столь злые и необузданные, что их выгнали даже из ада, сделали не его, а ее. Естественно, Мэддокс разозлился, причем очень сильно. Другие воины, его друзья, тоже были возмущены до глубины души. Они верно служили своим божественным хозяевам, по первому слову обнажая мечи и проливая ради них кровь, свою и вражескую. И как их за это отблагодарили? Когда подвернулось настоящее задание, предпочли им женщину. Решив проучить своих хозяев, воины выкрали у Пандоры Дим-Униак и выпустили демонов на свободу. Какого же они свалили дурака! Они думали доказать свое могущество, заново изловив демонов, но у них ничего не вышло, а ларец бесследно исчез. Мир погрузился в хаос и мрак, в коих и пребывал до тех пор, пока не вмешался царь богов, заточив по демону внутрь каждого из провинившихся воинов.

Достойное наказание! Воины освободили зло, чтобы отомстить за узвленную гордость; теперь они сами стали его вместилищем.

Вот так и родились на свет Владыки Преисподней.

Мэддоксу достался демон Насилие. Он стал такой же неотъемлемой частью его существа, как легкие или сердце. Человек не мог больше жить без демона, а демон – без человека; они были как бы вплетены друг в друга, слились в единый организм.

С первого же дня создание, обосновавшееся внутри Мэддокса, толкало его на разные злодеяния, а он не находил в себе сил сопротивляться. Однажды демон даже заставил его убить женщину – ту самую Пандору.

При воспоминании об этом воин с такой силой сжал гриф штанги, что едва не повредил суставы.

Он потратил многие годы, чтобы научиться обуздывать Насилие, сдерживать его наиболее кровавые порывы, но это ему давалось с большим трудом, и он знал, что в любой миг может сорваться.

«Чего бы я только не отдал за единственный день полного покоя! – иногда мысленно кричал Мэддокс. – Чтобы не было желания делать другим больно. Не было схваток с самим собой. Не было тревог. Не было смерти. А был только... покой».

– Я могу навредить тебе, – обратился Мэддокс к своему другу, который по-прежнему стоял в дверях. – Тебе лучше уйти. – Он водрузил штангу на крепления и сел на скамье. – Только Люсьен и Рейес могут быть возле меня в полночь.

Люсьен и Рейес действительно каждую ночь были рядом, вынужденные, как бы их это ни ужасало, принимать участие в том, что с ним происходило. Такова была потребность обитавших в них демонов, и они покорялись.

– До полуночи еще целый час, – сказал Торин, бросив Мэддоксу полотенце, – так что я, пожалуй, рискну.

Мэддокс поймал полотенце и вытер пот с лица:

– Дай воды.

Бутылка ледяной воды повторила путь полотенца. Мэддокс поймал ее и с жадностью осушил, после чего молча уставился на друга.

Торин, как всегда, был одет во все черное, а руки его скрывали перчатки. Белокурые волнистые волосы до плеч красиво обрамляли чувственное лицо. Смертные женщины обожали его. Они не знали, что под внешностью ангела скрывается самый настоящий дьявол. Его зеленые глаза глядели насмешливо и недобро – так смотрит человек, который убьет, хохоча в лицо своей жертве. Или умрет, смеясь в лицо убийце.

Чтобы не сойти с ума, Торину приходилось шутить и смеяться, даже когда – особенно когда – было совсем не смешно. Им всем приходилось так поступать.

Как и все обитатели крепости под Будапештом, Торин был проклят. Может, он и не умирал каждую ночь, как Мэддокс, но в конечном счете его положение было ничуть не лучше: его прикосновения убивали.

В Торине обитала Болезнь.

Он уже и забыл, каково это – ощущать прикосновение женщины. Очень давно, лет четырех назад, Торин полюбил девушку. Несколько нежных прикосновений, и девушки не стало – ее унесла чума, а вместе с ней погибли еще десятки и сотни человек, деревня за деревней. Торин навсегда усвоил урок.

– Удели мне пять минут. – Воин был явно настроен решительно. – Пять минут – все, о чем прошу. Неужели это так много?

– Как думаешь, боги накажут нас сегодня за то, что мы их оскорбили? – спросил Мэддокс, пытаясь сменить тему.

«Если не дать собеседнику возможности озвучить просьбу, то и обижать его отказом не придется», – решил он.

Торин снова печально вздохнул.

– Каждый наш вздох – уже наказание.

«Это точно! – подумал Мэддокс, устремил глаза к потолку, и его губы искривила ухмылка. – Ублюдки! Накажите меня еще сильнее! Ну же! Может, хотя бы тогда я наконец навсегда исчезну с лица земли. Впрочем, едва ли боги хоть пальцем пошевелят...» Наслав на него полуночное проклятие, они делали вид, будто его не существует, не отзываясь ни на мольбы, ни на брань. «В самом деле, что еще они могут мне сделать? – злорадно спрашивал себя Мэддокс. – Я умираю снова и снова, день за днем, лишен всего доброго и светлого. Мои душу и тело разъедает Насилие. Нет, хуже быть уже не может».

Мэддокс поднялся со скамьи, бросил мокрое полотенце и пустую бутылку из-под воды в корзину для белья и прошелся по комнате. Остановившись у окна, он сцепил руки на затылке и какое-то время молча всматривался в ночь сквозь чудесный старинный витраж, отдельные стекла которого были прозрачными.

Он видел рай и ад, свободу и заточение, все и ничего. Он видел... дом.

Замок, где жили воины, стоял на вершине высокого холма, и из окна комнаты Мэддокса открывался головокружительный вид на огромный шумный город, который сейчас сиял разноцветными огнями. Это было настоящее буйство света и красок. Огни фонарей, неоновых реклам и прожекторов подсвечивали нависший над городом небесный свод, отражались в вальяжных водах Дуная; снег, сковавший деревья в лесу вокруг замка, снежинки, пляшущие на ветру, воздух и ветер – все, казалось, было напитано светом.

Мэддокс и его товарищи намеренно забрались так высоко и далеко. Никто не задавал лишних вопросов: «Почему ты не стареешь?», «Что за вопли по ночам раздаются вокруг?», «Почему иногда ты выглядишь и ведешь себя как чудовище?». Это никого не касалось. Местные жители считали их ангелами и на холм не совались – то ли из страха, то ли из почтения.

«Ангелы. Ха!» – возмутился Мэддокс. Его ногти удлинились, и он вонзил их в подоконник. Будапешт – город необычайной красоты, сочетающий в себе очарование старины и современные удовольствия, но воин всегда чувствовал себя отрезанным, отторгнутым от всего этого – Крепостного района с величественным Будайским замком, наводненных людьми улиц и улочек, баров и ночных клубов, уличных торговцев с лотками, полными овощей и фруктов. Это неприятное ощущение отчужденности угнетало его. Вероятно, оно исчезло бы, если он хотя бы раз побывал внизу, но, увы, в отличие от остальных, ему приходилось безвылазно сидеть в замке. Самое большее, что он мог себе позволить, – прогулка по примыкающему к крепости лесу.

Ногти Мэддокса стали еще длиннее и почти превратились в когти. «Ударь стену! – приказал Насилие. – Сломай что-нибудь! Круши, убивай!» Он был бы рад прикончить богов. Всех до единого. Одних обезглавить, другим голыми руками вырвать их черные, гнилые сердца.

Демон заурчал в знак одобрения.

«Еще бы ты не урчал, – с отвращением подумал Мэддокс. – Ты всегда радуешься, когда речь заходит о том, чтобы пустить кому-нибудь кровь, причем совершенно не важно, кому именно». Нахмурившись, он удостоил небо еще одного полного ненависти взгляда.

Целая вечность отделяла воинов от той истории с ларцом, но Мэддокс прекрасно помнил, как все было. Реки крови, крики, стоны, смерть, разложение... Опьяневшие от крови злые духи разрывают и пожирают разбросанные повсюду трупы.

Потом в него вселили демона Насилия, и его сознание погрузилось в сумерки. Исчезли звуки. Он почти ничего не видел и не чувствовал. Когда наконец очнулся, пробуждение было страшным: он был весь в крови, а у его ног билась в предсмертной агонии Пандора. Мэддоксу было не совсем понятно, почему его настолько потрясла ее смерть – то ли потому, что это была женщина, то ли из-за того, что она была из своих, но он так и не смог простить себе содеянного. Образ умирающей воительницы преследовал его, вызывая боль и раскаяние.

Именно тогда, стоя над ее бездыханным телом, он поклялся себе, что впредь ничего подобного не случится, что он научится противостоять приказам демона. Но поздно. Когда Верховный бог Зевс узнал о смерти воительницы, он рассвирепел и наслал на несчастного еще одно проклятие: каждую полночь он будет умирать, подобно Пандоре, – от шести ударов мечом в живот. Но если она мучилась несколько минут, то его пытка будет длиться вечность.

Мэддокс сжал зубы, пытаясь подавить очередную вспышку злобы. «Не ты один в этих стенах страдаешь», – напомнил он себе. Остальные воины тоже были одержимы злыми духами. В Торине воплотилась Болезнь, в Люсьене – Смерть, в Рейесе – Боль, в Аэроне – Ярость и, наконец, в Парисе – Разврат.

«Почему мне не достался Разврат? Я бывал бы в городе, знакомился с женщинами, упивался каждым звуком, каждым прикосновением», – порой думал Мэддокс. Он опасался появляться среди людей – не был до конца уверен в себе, в том, что сумеет совладать с демоном. Кроме того, если он вдруг не успеет вернуться домой к полуночи, его мертвое, окровавленное тело кто-то может найти и похоронить или, хуже того, сжечь... И самое страшное, что это все равно не будет концом. Если бы нечто подобное могло положить конец его земным страданиям, он уже давно позволил бы поджарить себя в яме или выпрыгнул бы из самого высокого окна крепости. Но нет. Что бы он ни сделал – обугленный, изувеченный, с болью во всем теле, – он все равно очнется вновь.

– Перестань пялиться в окно! – прервал его мрачные мысли Торин. – Неужели тебе совсем не интересно, что я хочу тебе сказать?

Мэддокс моргнул:

– А, ты все еще здесь...

Торин повел бровью:

– Видимо, ответ на мой вопрос – «нет».

– Мне хреново.

– Кончай ныть! Я должен тебе кое-что показать. Это очень важно. Идем. По пути объясню. – С этими словами Торин повернулся и ушел из зала.

Мгновение поколебавшись, Мэддокс последовал за другом. «Торин сказал, чтобы я кончал ныть. Да, именно это я только что и делал», – подумал он. Мрачная веселость и любопытство вытеснили сплин и апатию. «Что же все-таки, черт возьми, случилось?» – пронеслось в его голове.

Он продублировал этот вопрос вслух.

– Наконец я слышу в твоем голосе интерес.

– Не приведи бог, если это одна из твоих идиотских шуточек!

Торин очень любил розыгрыши. Например, однажды, когда Парис заявил, что в городе перевелись хорошенькие девушки, он закупил несколько сотен резиновых женщин, надул их и рассадил по всей крепости. Таким образом Торин спасался от скуки.

– Очень мне надо шутить над человеком, – отрезал Торин не оборачиваясь, – у которого нет чувства юмора.

У Мэддокса его действительно не было.

Они шли по длинному полутемному коридору. Хотя в замок давно провели электричество, часть помещений, в том числе этот коридор, по-прежнему освещались факелами. Они были укреплены на каменных стенах старинной кладки с помощью специальных держателей, и в их неверном, пульсирующем свете казалось, будто пространство населено духами и тенями. Замок, в котором жили воины, – Обитель проклятых, как его в шутку окрестил Торин, был построен много столетий назад, и, хотя воины отремонтировали и осовременили его, как могли, в воздухе все равно витало ощущение старины.

Они обошли уже полкрепости, но так никого больше и не встретили.

– Где все? – удивился Мэддокс.

– Парис в городе, ищет себе новую женщину, – ответил Торин, язвительно добавив: – У нас кончаются продукты, за которые отвечает Парис, и было бы неплохо пополнить запасы, но нет, женщины, разумеется, важнее.

«Везет ублюдку!» – подумал Мэддокс, но вслух ничего не сказал.

Проклятие Париса, в которого вселили демона Разврата, состояло в том, что он был одержим жадой секса, причем с одной женщиной воин мог переспать лишь единожды и из-за этого вечно искал новых знакомств. Если в какой-то из дней ему не удавалось соблазнить ни одной женщины, участь Париса была незавидна – демон добирал свое, заставляя его делать такие вещи, от одной мысли о которых любого нормального мужчину вывернуло бы наизнанку. Мэддокс знал и помнил об этом своего рода побочном эффекте, но все равно завидовал другу, особенно когда тот принимался рассказывать о своих «победах». Нежные прикосновения... Быстрое дыхание... Горячая кожа... Стоны наслаждения...

Торин тем временем продолжал:

– Аэрон... – Он запнулся. – Собственно, это только одно из того, о чем я хотел тебе сказать.

Мэддокс напрягся.

– С ним что-то случилось? – спросил он.

Внутри его шевельнулся притихший было Насилие. «Круши! Убивай!» – требовал он. Аэрон, как и все они, был бессмертным, но даже бессмертного можно было тяжело ранить или даже убить.

– Нет, – угадав его мысли, быстро ответил Торин, – ничего такого... Он в порядке.

Мэддокс успокоился; улеглась тревога – отступил и гнев.

– Так где же он? – спросил Мэддокс. – Возится где-нибудь с тряпками и шваброй?

У каждого из воинов были свои обязанности по ведению домашнего хозяйства. Аэрон должен был следить за чистотой, на что он беспрерывно жаловался и возмущался. К Мэддоксу обращались, если нужно было что-то починить. Торин играл на бирже – им ведь надо было на что-то жить. Люсьен платил по счетам и занимался всей прочей канцелярщиной. И наконец, Рейес закупал оружие.

– Его... призвали наверх.

Мэддокс едва не споткнулся от неожиданности.

– Что-что? – переспросил он, решив, что ему послышалось.

– Боги призвали его наверх, – терпеливо повторил Торин.

– Чего им надо? – Мэддокс был поражен. Олимпийцы не призывали ни одного из них со дня смерти Пандоры. – Почему ты не сказал мне об этом сразу?

Торин пожал плечами:

– Что касается твоего первого вопроса, то не имею ни малейшего понятия. Мы сидели все вместе и смотрели фильм, и вдруг он напрягся, вытянулся в струну, как будто его за макушку подвесили, а на лице никакого выражения, – ну, ты сам помнишь, как это бывает. Потом он очнулся и сказал, что его призвали. Мы даже спросить его ни о чем не успели – он тут же исчез. – Переведа дух, Торин продолжил: – Что же до твоего второго вопроса, то я пытался тебе все рассказать, но ты не стал слушать.

У Мэддокса дернулось веко.

– Ты должен был сказать мне сразу!

– Чтобы ты, расчувствовавшись, запустил в меня штангой? Нет уж. Я, знаешь ли, Болезнь, а не Глупость.

«Что им могло понадобиться от Аэрона?» – спрашивал себя Мэддокс. От мелькнувшей в голове догадки у него перехватило дыхание. Заточенный в Аэроме демон Ярости время от времени расходился настолько, что делался совершенно неуправляемым, и тогда, не способный сопротивляться его злой воле, Аэрон начинал пачками вырезать людей с нечистой совестью.

«Вдруг боги разозлились на него за это и призвали, чтобы в наказание наложить на него еще одно проклятие, как в свое время на меня?» – думал он.

В сердцах Мэддокс прорычал:

– Если они что-нибудь с ним сделают, клянусь, я найду способ взобраться на чертов Олимп и устрою там такую резню, что мало не покажется.

Его глаза полыхнули красным.

– Не заводись, – примирительно сказал Торин. – Мы все беспокоимся за Аэрона, но пока ничего плохого не случилось. Скоро он вернется и объяснит, что к чему.

«Справедливо», – подумал Мэддокс и усилием воли заставил себя расслабиться.

– А еще кого-нибудь призвали? – спросил он.

– Нет, больше никого, – ответил Торин. – Люсьен собирает души. Рейес... не знаю, где он; наверное, режет себя где-нибудь.

Мэддокс подавил вздох. Хотя ему самому приходилось несладко, он всей душой жалел Рейеса, который не мог прожить и часа, не нанося себе увечий.

Они подошли к лестнице.

– Что еще ты хотел мне сказать? – спросил Мэддокс.

– Будет лучше, если ты сам увидишь, – ответил Торин.

«Что там такое? – спрашивал Мэддокс себя. – Неужели что-то похуже новости об Аэроне?»

Они пришли в комнату отдыха. Это было самое уютное и обжитое из помещений замка, эдакая заповедная зона, для обустройства которой воины не пожалели ни сил, ни денег. Чего здесь только не было: мягкая мебель, холодильник, до отказа забитый дорогими винами и качественным пивом, бильярдный стол – словом, все необходимое для того, чтобы можно было отдохнуть и телом и душой. Там даже висела баскетбольная корзина. Картину изобилия дополняла невероятных размеров плазменная панель. Когда Мэддокс с Торинем вошли, она работала, и, судя по тому, что на экране разворачивалась оргия с участием по меньшей мере трех женщин, последним смотрел телевизор Парис.

Мэддокс озвучил это умозаключение. Торин молча ускорил шаг, по возможности не глядя на экран. Мэддокс прикусил язык, поняв, что сваял дурака. Из уважения к чувствам Торина, красивого, обаятельного, словно специально созданного для плотских удовольствий, но навсегда от них отлученного, воины старались не касаться в его присутствии тем, связанных с женщинами и сексом.

Даже у Мэддокса время от времени случались интрижки.

Его любовницами обычно становились бывшие пассии Париса, которые, не желая смириться с тем, что все кончено, поднимались к замку. По большому счету им было все равно, с кем спать, их мучило желание – они все еще находились под влиянием демона Разврата. Поэтому, не застав Париса или получив категорический отказ, они с легкостью утешались в объятиях Мэддокса.

Старый замок хранил много тайн, поэтому у воинов было правило: никаких чужаков в его стенах, и, следуя этому правилу, Мэддокс уводил девушек в лес и там овладевал ими среди вековых деревьев, прямо на голой сырой земле. Секс получался обезличенным, но Мэддокс большего и не хотел. Поставив девушку на колени, он входил в нее сзади – ему было важно не видеть лицо партнерши, чтобы Насилие, пробудившись, не принудил его к чему-нибудь такому, за что потом ему придется себя ненавидеть.

А потом Мэддокс отправлял этих девушек домой, под угрозой смерти запретив возвращаться. Он не хотел длительной связи, боялся привязаться к человеку, а потом сделать ему больно.

Впрочем, была одна девушка, которая особенно ему запомнилась, хотя и ради нее он не отступил от своих правил. Это было нечто гораздо большее, чем просто механическое, живот-

ное совокупление. Ему хотелось целовать ее, вылизать все ее тело, утонуть в ней, полностью утратив свое «я», любить ее без оглядки, без страха потерять контроль над злым духом и навредить ей.

Мэддокс слегка мотнул головой, отгоняя грезу. Что толку витать в облаках?

Наконец они добрались до комнаты, которую занимал Торин.

Мэддокс окинул спальню друга недоуменным взглядом. С прошлого его посещения она преобразилась: вдоль одной из стен разместился огромный агрегат с кучей мониторов и усыпанной кнопками, лампочками и рычагами панелью управления. В отличие от Торина Мэддокс недолюбливал технику. Мир менялся слишком быстро, и он за ним не успевал. Кроме того, его тяготило ощущение, будто каждый новый виток технического прогресса еще на шаг отделяет его от старого мира, когда они были просто беззаботными воинами. Но все это, конечно, не мешало ему активно пользоваться всеми новшествами.

– Ты решил захватить мир? – хмыкнул Мэддокс, наконец оторвавшись от созерцания машины и повернувшись к своему другу.

– Ну что ты, я всего лишь скромный наблюдатель. Зато теперь мы можем быть уверены, что в этих лесах комар не пролетит без нашего ведома. Очень удобно, – ответил Торин, уселся в офисное кресло перед самым большим из мониторов и принялся нажимать кнопки на панели управления. Монитор зажегся, на нем появилось изображение. – Так. Вот, собственно, то, что я хотел тебе показать.

Мэддокс встал за спиной друга и уставился на экран. Не увидев ничего, кроме деревьев, он нахмурился.

– И что я должен здесь увидеть?

– Терпение.

– Давай быстрее, – сказал он резко.

– Умеешь ты вежливо попросить, – хмыкнул Торин. – Еще буквально один момент.

Он снова потыкал клавиши. Изображение сместилось в сторону и окрасилось в цвета инфракрасного спектра. Между сине-зелеными деревьями мелькнуло красное пятно.

– Сделай так, чтобы оно снова попало в кадр. – Мэддокс резко склонился к экрану, едва не задев Торина.

Он был профессиональным воином и убийцей, а не шпионом, но знал: красное свечение означает тепло живого организма. Мэддокс напрягся.

Еще несколько ударов по кнопкам. Экран мелькнул, красное пятно снова появилось в кадре.

– Это человек?

– Однозначно.

– Женщина или мужчина?

Торин пожал плечами:

– Скорее женщина. Мужчина был бы больше, ребенок, наоборот, меньше.

Жители Будапешта и окрестных селений сторонились замка, не говоря уже о том, чтобы прийти на холм ночью. Мэддокс мог по пальцам одной руки пересчитать смертных, которые поднимались к замку за последний год: курьеры, несколько детей, подруги Париса – вот, собственно, и все.

– Может, это одна из подружек Париса? – предположил он.

– Может, и так. А может...

– «А может» что? – выговорил Мэддокс с нажимом.

– Охотник, – закончил свою мысль Торин. – Наживка, если быть более точным.

Мэддокс плотно сжал губы.

– А если без шуток?

– А я и не шучу. Подумай сам. Курьеры ходят с сумкой или коробкой. И они, и подружки Париса идут напрямик к двери, нигде не задерживаясь. А у этой при себе ничего нет, и она ходит кругами, через каждые несколько минут останавливается, жметя то к одному дереву, то к другому. Что она там делает? Вполне возможно, раскладывает взрывчатку, чтобы подорвать нас, или устанавливает камеры.

– Ты же сам только что сказал: она с пустыми руками.

– И взрывчатка, и камеры маленькие – она может прятать их под одеждой или в карманах.

Мэддокс прикрыл глаза и помассировал шейные позвонки.

– Охотники не показывались несколько тысячелетий, – тихо произнес он.

– Ну, может, их дети и дети детей их детей искали нас все это время, и вот наконец очередному поколению улыбнулась удача.

В животе у Мэддокса шевельнулся ужас. Сначала Аэрона призвали, а теперь еще и незваный гость. Просто совпадение? Мысли Мэддокса перенеслись в те далекие мрачные дни в Греции – дни войны и не знающей пределов жестокости, криков и смерти; дни, когда воины были скорее демонами, чем людьми; дни, когда жажда разрушать определяла все их поступки, а улицы были завалены мертвыми телами. Вскоре люди сплотились против своих мучителей – так появились охотники, боевой отряд, полностью состоящий из смертных, целью которого стало уничтожение злодеев.

Кровная вражда между охотниками и воинами длилась многие столетия. Мэддокс вспомнил ожесточенные битвы, когда с лязгом схлестывались мечи и бушевало пламя, распространяя по воздуху запах жженой плоти. Однако самым страшным оружием охотников было коварство. Они обучали женщину-наживку, которая соблазняла воинов и притупляла их бдительность, чтобы те не смогли отбить внезапное нападение. Именно так погиб Баден, одержимый демоном Неверия. Правда, самого демона они убить так и не смогли, он просто выскочил из растерзанного тела, корчащийся, обезумевший из-за того, что лишился хозяина. Мэддокс не имел ни малейшего представления о том, где теперь носится этот дух.

– Боги действительно нас ненавидят, – сказал Торин. – Не было лучшего способа навредить нам, чем подослать охотников в тот самый момент, когда наша жизнь более или менее устаканилась.

Чувство ужаса внутри Мэддокса нарастало.

– Им вряд ли захотелось бы, чтобы демоны, безумные и неуправляемые, а именно такими они будут без нас, вырвались в большой мир. Разве нет?

– Кто знает, почему они поступают так или иначе, – произнес Торин утвердительно, без малейшего намека на вопросительную интонацию. Ни один из воинов, даже по прошествии стольких лет, так и не научился понимать богов. – Мэддокс, мы должны что-то сделать.

Мэддокс бросил взгляд на стенные часы и напрягся.

– Позвони Парису.

– Я позвонил. Его мобильный не отвечает.

– Позвони...

– Ты действительно думаешь, что я дернул бы тебя почти в полночь, будь здесь кто-то еще, кроме нас двоих? – поинтересовался Торин, повернул голову и пристально посмотрел на друга. – Кроме тебя, пойти некому.

Мэддокс тряхнул головой:

– Совсем скоро я умру. Я не могу выйти из замка.

– Я тоже не могу, – произнес в ответ Торин, и в его глазах мелькнуло что-то устрашающее, какая-то горечь, сделавшая их из зеленых ядовито-изумрудными. – Ты, по крайней мере, не уничтожишь весь род человеческий, просто выйдя на улицу.

– Торин...

– Тебе не победить в этом споре, Мэддокс, поэтому не трать зря времени.

Мэддокс запустил руку в темную, длинной по плечи шевелюру, его раздражение все возрастало. «Пусть оно остается в лесу и умрет», – заявил Насилие, под «оно» подразумевая человека.

– Что, если это охотник? – сказал Торин, словно прочитав мысли друга. – Что, если это наживка? Мы не можем оставить ее в живых. Ее надо убить.

– А если это невинный человек, а мое полуночное проклятие начнет действовать? – возразил Мэддокс, заталкивая демона, насколько это возможно, глубже внутрь себя.

Выражение лица Торина на миг исказило чувство вины, словно жизни, которые он некогда забрал, в один голос обратились к его совести, умоляя спасти тех, кому он в силах помочь.

– Я не знаю. Действуй по обстоятельствам. Но сидеть сложа руки мы все-таки не можем...

Мэддокс стиснул зубы. Он не был жестоким, бессердечным человеком, не был зверем. Он ненавидел волны злобы, которые то и дело накатывали на него, угрожая полностью им овладеть. Он ненавидел то, что делал, то, чем он был, а главное – то, чем стал бы, если хоть на миг перестал бы сопротивляться темным желаниям и мыслям, внушаемым ему демоном.

– Где сейчас человек? – спросил Мэддокс. Решение было принято: он пустится в ночь, пусть это и обойдется ему дорого.

– Возле Дуная.

«Минут через пятнадцать он будет на месте, если побежит, – решил Мэддокс. – У меня как раз хватит времени, чтобы вооружиться, найти человека, проводить его в убежище, если он невинен, или убить при необходимости и вернуться в крепость. Если что-то вдруг меня задержит, я умру прямо в лесу, и тогда все прочие смельчаки, которые имели неосторожность подняться на холм, если такие найдутся, окажутся в опасности, ибо, когда начнутся первые боли, Насилие полностью подчинит мои мысли и чувства. Единственной моей целью тогда будет уничтожение».

– Если я не вернусь к полуночи, отправь остальных искать мое тело, а заодно и тела Люсьена и Рейеса.

Смерть и Боль приходили к Мэддоксу каждую ночь, независимо от того, где он был. Боль наносил удары, а Смерть сопровождал его душу в ад, где она и пребывала, терзаемая огнем и демонами, почти столь же злобными, как Насилие, до самого утра. К несчастью, Мэддокс не мог поручиться за безопасность друзей, застань их полночь в лесу: он мог ранить их, когда они придут к нему. И если это произойдет, то физические страдания, которые он испытывает каждую ночь, дополнятся муками совести.

– Пообещай мне, – настаивал он.

Блеснув глазами, Торин кивнул:

– Будь осторожен, мой друг.

Мэддокс поспешно вышел из комнаты. Когда он уже преодолел половину коридора, Торин крикнул:

– Мэддокс! Ты должен взглянуть на это!

Быстро шагая назад, Мэддокс ощутил новый укол страха. «Что на этот раз? – спрашивал себя он. – Что может быть хуже того, что я уже увидел?» Вновь оказавшись у мониторов, он приподнял бровь и выжидательно воззрился на Торина, давая понять, что тот должен поторопиться.

Торин мотнул подбородком в сторону экрана.

– Кажется, там еще четверо. Все мужчины... или амазонки. Раньше их не было.

– Вот черт! – Мэддокс внимательно рассматривал четыре новых красных пятна. Они двигались на некотором расстоянии за маленьким пятном. «Да, это действительно хуже того, что я уже видел», – решил он.

– Я разберусь с ними, – сказал он. – Со всеми.

Мэддокс быстро и решительно зашагал по коридору. Добравшись до своей спальни, он кинулся напрямик в гардеробную, минуя кровать, которая составляла единственный предмет мебели в комнате. Раньше здесь стояли комод, зеркало и кресла, но он разнес их в щепки во время приступов страсти к насилию. Как-то раз он набрался глупости заполнить помещение декоративными водопадами, растениями, крестами и прочими предметами, призванными умиротворить и успокоить. Но ничего из этого не сработало и в считанные мгновения обратилось в пыль и обломки, когда демон взял над Мэддоксом верх. С тех пор он отдавал предпочтение, как это называл Парис, минималистичному дизайну. Единственной причиной, по которой он не избавился от кровати, было то, что Рейес должен был приковывать его к чему-то, когда наступала полночь, и металлическая кровать как нельзя лучше для этого подходила. Воины в огромных количествах закупали сменные матрасы, простыни, цепи и металлические изголовья и хранили их в соседней спальне, чтобы они всегда были под рукой.

«Надо торопиться!» – думал Мэддокс. Он быстро натянул черную футболку, обулся и закрепил клинки на запястьях, поясе и голенях. Никаких пистолетов. Он и Насилие были согласны в одном – убивать врагов надо, когда они подходят близко, и делать это следует своими руками.

Окажись кто-то из смертных, что бродят сейчас в лесу, охотниками или наживкой, они были обречены.

Глава 2

Эшлин Дэрроу дрожала на пробирающем до костей ветру. Пряди светло-русых волос хлестали ее по лицу и глазам, и она трясущимися руками пыталась заправить их за уши, которые мучительно кололо от холода. Но видела она все равно мало. Ночь была темной, туманной и снежной. Лишь изредка отдельные серебряные лучики лунного света пробивались сквозь снежные кроны вековых деревьев.

«Как природа, столь красивая, столь величественная, может так жестоко мучить человеческое тело?» – спросила себя девушка и вздохнула, отчего перед ее лицом образовалось облачко пара. «А ведь прямо сейчас, – подумала она, – я могла бы лететь в теплом самолете назад в Штаты». Но накануне Эшлин узнала нечто слишком удивительное, чтобы удержаться от искушения. Ее переполнила надежда, и несколько часов назад, воспользовавшись первой же возможностью выяснить, правда ли это, она, ни минуты не колеблясь, отправилась в путь. «Где-то среди этого необъятного леса, – думала девушка, – живут люди со странными способностями, которые никто не может объяснить». Что это за способности, Эшлин толком не знала. Ей было известно лишь, что она отчаянно нуждается в помощи и готова пойти на любой риск, лишь бы поговорить с этими могущественными людьми.

Эшлин преследовали голоса, которые делали ее жизнь невыносимой. Где бы ни оказалась, она слышала все, что когда-либо произносилось в этом месте, независимо от того, когда это было – несколько минут или столетий назад. Язык, на котором изъяснялись собеседники, тоже не имел значения – она понимала любой. Некоторые называли это даром, а она – настоящим проклятием.

Еще один ледяной порыв ветра налетел на Эшлин, и она прижалась к дереву, укрывшись за ним, как за щитом. Вчера, прибыв в Будапешт с несколькими коллегами из Всемирного института парапсихологии, она прогуливалась по центру города и услышала кое-что очень интересное. Голоса, звучавшие в ее голове, не удивляли девушку, пока до нее не начал доходить смысл слов невидимых незнакомцев: *«Они могут поработить тебя одним лишь взглядом», «У одного из них есть крылья, и он летает на них в полнолуние», «Тот, что со шрамами, исчезает, когда захочет».*

Эти отрывочные, тихим шепотом сказанные фразы словно открыли какую-то дверь в ее разуме, и на девушку обрушился шквал разговоров разной степени давности. Голосов, которые хаотично накладывались друг на друга, было так много, что Эшлин согнулась пополам под гнетом этого груза, силясь отделить второстепенное от важного, когда слышала: *«Они не стареют», «Они, наверное, ангелы», «У них даже жилище жуткое, словно из фильма ужасов, спрятано на вершине холма, в чаще наводненного тенями леса, в которой, черт возьми, даже птицы не залетают», «Может, убьем их?», «Они чудотворцы и смогли облегчить мои страдания».*

«Столько людей из настоящего и прошлого верили и продолжают верить, что обитатели крепости на холме обладают сверхъестественными способностями, – думала Эшлин. – Может, эти «чудотворцы» сумеют облегчить и мои страдания?» Многие годы в самых разных уголках света она собирала слухи о вампирах, оборотнях, гоблинах и ведьмах, чудовищах и феях. Ей даже доводилось приводить исследователей из института к крыльцу многих из этих созданий, чтобы те убедились, что они на самом деле существуют. Собственно, именно в том и состояла цель существования института – находить сверхъестественных существ, наблюдать за ними и изучать их, выяснять, каким образом человечество может выиграть от такого соседства. И вот впервые в жизни дар Эшлин вывел ее на след необыкновенных людей, встреча с которыми может принести пользу ей самой.

Обычно она сама наводила институт на новое место, но на этот раз вышло иначе. Будапешт не упоминался ни в одной из бесед, которые ей в последнее время довелось подслушать. И тем не менее ее послали сюда с заданием слушать все, что касается демонов. Эшлин не стала никого ни о чем спрашивать, ибо прекрасно знала, что ей ответят. Каким бы ни был вопрос, ответ всегда бывал один: «Информация засекречена».

Выполняя задание, девушка узнала, что некоторые местные полагали, будто на холме живут демоны. Злые, жестокие. Большинство, однако, почитали этих существ ангелами. Они держались обособленно, подальше от людей. Впрочем, есть среди них и один, который любит бывать в городе и, по слухам, тащит в койку все живое женского пола; «инструктор по оргазму» – так величала его троица хихикающих девиц, которые провели с ним «единственную, не сравнимую ни с одной другой» ночь. Благодаря им уровень преступности в городе был низок, экономика – на высоте, а бездомные – сыты.

Сама Эшлин полагала, что люди, за которыми числится столько добрых дел, не могут быть одержимы силами тьмы. Демоны злобные и не считаются с теми, кто их окружает. Но вне зависимости от того, были ли обитатели замка на холме ангелами, спустившимися на землю, или обычными людьми, наделенными сверхъестественными способностями, она молилась, чтобы они сумели помочь ей, так как никто другой не мог. Девушка надеялась, что они научат ее заглушать голоса или даже помогут ей совсем отделаться от своего дара.

Одна мысль об этом опьяняла, и губы Эшлин медленно раздвинулись в улыбку, которая, впрочем, тут же спала с ее лица, поскольку еще один порыв ледяного ветра проник сквозь куртку и свитер и вгрызся в кожу. Она провела в лесу больше часа и промерзла до костей. Доковыляв до прогалины, девушка устремила взгляд к вершине холма. Прорвавшийся сквозь брешь в тучах свет озарил огромный угольного цвета замок. У его подножия клубился густой туман, маня девушку своими призрачными пальцами. «Место выглядит точь-в-точь как описывал голос, – про себя отметила Эшлин, – острые башенки и полный теней лес вокруг, словно оживший фильм ужасов». Однако это наблюдение не отпугнуло ее. «Я почти дошла», – подумала она счастливо и, нетвердо ступая, снова двинулась вверх по холму. Идти было трудно, ноги ломило от маневров между стелющимися по земле громадными ветвями и прыжков через вздымающиеся корни, но девушка старалась не обращать на это внимания.

Через десять минут Эшлин все же (наверное, уже в тысячный раз) пришлось остановиться, так как ее ноги превратились в куски льда и отказались ей повиноваться. «Нет, – мысленно простонала девушка, – только не сейчас!» Растирая ноги, она посмотрела в просвет между кронами, туда, где возвышался замок, чтобы еще раз оценить расстояние. Ее глаза расширились, когда она поняла, что замок не приблизился ни на дюйм. На самом деле он даже, пожалуй, слегка отдалился. Эшлин в отчаянии тряхнула головой. «Черт возьми! – подумала она. – Что я должна сделать, чтобы добраться наверх? Отрастить крылья и полететь? Даже если у меня ничего не выйдет, я не жалею, что пришла сюда, – решила Эшлин. – Стоило, пожалуй, захватить с собой еду и воду, да и вообще, лучше было все спланировать, но я должна была попробовать».

Как бы глупо это ни было, она просто не могла не попытаться. Эшлин пустилась бы в путь голой и босой, если бы понадобилось. Шанс на нормальную жизнь стоил любых жертв. Ей нравилось, что ее так называемый дар приносит людям пользу, но попытка, в которой ей приходилось жить, была слишком сурова. Несомненно, она способна и как-то иначе послужить людям. Если бы голоса хоть ненадолго замолчали, она смогла бы поразмыслить над этим и обязательно что-нибудь придумала бы. Дыхательные упражнения и медитации – единственное, что помогало ей хоть отчасти обрести душевный мир.

Девушка еще раз энергично растерла ноги, благодаря чему кровообращение восстановилось и она вновь смогла идти.

«*Ök itt. Tudom ök*, – услышала Эшлин, проходя мимо кривого, раскорячившегося дерева. – *Они здесь*, – тут же перевело ее сознание. – *Я знаю это*».

Затем кто-то другой сказал: «*А ты симпатичная штучка, да?*»

– Да, ты совершенно прав, спасибо, – вслух произнесла Эшлин, надеясь, что звук ее собственной речи перекроет все остальные. Не тут-то было. Девушка глубоко вдохнула и выдохнула.

Она продолжала брести, а тем временем разговоры, которые велись в разное время, проносились у нее в голове, нагромождаясь один на другой. Большинство незнакомцев говорили по-венгерски, некоторые – по-английски, отчего ощущение хаоса становилось окончательным.

«*Да. Да! Trogaj меня. Вот так, да, вот так*».

«*Bárhöl as én kardom? En nem tudom holvan*».

«*Еще одно прикосновение его губ, и я забуду его. Все, что мне нужно, – еще одно прикосновение*».

Эшлин пошатнулась, продираясь через спутанные ветки и камни, а слова чем дальше, тем больше теснили друг друга и делались все громче, сливаясь в монолитный рев. Сердце девушки выпрыгивало из груди, и она с трудом удерживалась, чтобы не закричать от гнева и отчаяния. Глубокий вдох, глубокий выдох...

«*Если ты постучишься в дверь, тебя трахнут, как животное, и я уверяю: тебе это очень понравится*».

Она зажала уши ладонями, хотя знала, что это не поможет.

– Продолжай идти! Найди их! – вслух приказала себе Эшлин.

Еще больше ветра. Еще больше голосов.

– Продолжай идти! – повторила она и ускорила шаг. – Ты проделала долгий и сложный путь, чего тебе стоит пройти еще немного? Найди их!

Когда она рассказала доктору Макинтошу, вице-президенту Всемирного института парапсихологии, а также своему начальнику и наставнику, о том, что выяснила о людях с холма, он кивнул и бросил:

– Отличная работа, – что было у него высшей формой похвалы.

Эшлин попросила, чтобы ее отвезли на холм, но получила категорический отказ.

– Ни в коем случае, – сказал он, отворачиваясь от нее, – они могут оказаться демонами.

– С тем же успехом они могут оказаться ангелами.

– Я запрещаю тебе так рисковать, Дэрроу, – отрезал Макинтош, после чего ей было приказано собирать вещи и ехать в аэропорт; он всегда так поступал, когда ее часть работы – сбор информации, недоступной ушам других, – заканчивалась. – Так положено, – заявлял он, хотя никого, кроме нее, по домам он никогда не посылал.

Эшлин знала, что Макинтош заботится о ней и желает ей добра. В конце концов, он опекает ее уже более пятнадцати лет. Когда он взял ее под свое крыло, она была просто напуганным ребенком, чьи родители не имели ни малейшего понятия, как облегчить муки «одаренной» дочери. Он даже читал ей сказки, чтобы она уяснила, что мир полон магии и в нем все возможно, а потому никто – даже такой человек, как она, – не должен чувствовать себя ненормальным.

Он по-своему любил ее, но Эшлин понимала, что в его отношении к ней есть изрядная доля корысти: работа института без нее встанет, и его карьера окажется под ударом. Вот почему она не чувствовала себя слишком уж виноватой оттого, что ослушалась его и отправилась на холм.

Онемевшими пальцами Эшлин снова убрала волосы с лица. Наверное, ей стоило разузнать у местных, как сюда проще добраться, но голоса в сердце города были такими громкими, что ей было не до расспросов. Кроме того, девушка боялась, что кто-то из институтских коллег

увидит ее и ответит к Макинтошу. «Но все-таки, – думала Эшлин, – если бы я спросила дорогу, меня бы не терзал сейчас лютый холод».

«Есть только один способ узнать правду. Пырни его ножом в сердце и посмотри, умрет ли он», – сказал голос, выведя ее из задумчивости.

«О, до чего же хорошо! Пожалуйста, еще!»

Отвлечшись на голоса, девушка споткнулась об упавший сук и, болезненно вскрикнув, растянулась на земле. Острые камни поранили ей ладони и разодрали джинсы. Какое-то время она лежала неподвижно, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. «Слишком холодно, – подумала она, – слишком громко». Пока она так лежала, ее покинули последние силы. Ее виски пульсировали от боли, голоса хаотично забрасывали ее отрывочными, ненужными сведениями. Закрыв глаза, она кое-как подползла к ближайшему дереву и прижалась к нему, укрывшись за выступами корней.

«Мы не должны быть здесь. Они все видят».

«Ты ранен?»

«Смотри, что я нашел. Красиво, да?»

– Заткнитесь, заткнитесь, заткнитесь! – крикнула Эшлин.

Разумеется, голоса не повиновались. Они никогда не слушались.

«Слабо пробежаться по лесу гольшиом?»

«Éhes vaguayok. Kaphatok volamit eni?»

Внезапный хлопок и какой-то странный свист заставили Эшлин открыть глаза. Затем по лесу разнесся мучительный вопль. Кричал мужчина. Вопль повторился еще трижды, причем каждый раз кричал новый человек. Это было настоящее, не прошлое – за двадцать четыре года Эшлин научилась улавливать разницу.

Ужас стиснул ее стальной хваткой, лишив возможности дышать. Несмотря на гул голосов в голове, девушке было понятно, что кто-то ранен. Она попыталась встать, побежать, но резкий свист приковал ее к месту. Мгновение спустя она осознала, что этот звук издает рассекающий воздух клинок. Скосив глаза, девушка с ужасом рассматривала рукоятку кинжала, которая покачивалась чуть выше ее плеча, тогда как окровавленное лезвие довольно глубоко засело в древесном стволе.

Прежде чем она успела шарахнуться в сторону или закричать, вновь раздался тот же свист. Девушка резко повернула голову в другую сторону, и действительно, второй клинок вошел в ствол чуть выше ее левого плеча.

«Как?.. Что?..» Ее мысли еще не успели оформиться в нечто связное, когда что-то вырвалось из находившихся неподалеку зарослей. Зловеще захрустела палая листва, припорошенная снегом, затрещали ветви. Потом это нечто попало в пятно лунного света, и девушка мельком увидела черные волосы и яркие фиалковые глаза. Это был мужчина. Рослый и мускулистый, он со всех ног мчался на нее. На его лице застыло жесткое, звериное выражение.

– О боже! – выдохнула Эшлин. – Остановись! Остановись же!

Еще мгновение – и незнакомец оказался вплотную к ней. Присев перед ней таким образом, что она не могла ни встать, ни даже пошевелиться, он принялся обнюхивать ей шею.

– Они были охотниками, – сказал он по-английски с едва уловимым акцентом. Голос незнакомца звучал жестко и грубо, что полностью соответствовало резко очерченным чертам его лица. – Ты тоже? – Он схватил ее правое запястье и задрал рукав. Проведя большим пальцем по змеящимся под кожей венкам, мужчина проговорил: – Татуировки, как у них, нет.

«У них? Охотники? Татуировка?» – проносилось в голове Эшлин. По ее спине побежали мурашки. Незнакомец был по-настоящему громадным, и в том, как он нависал над ней, таилась нешуточная угроза. От него пахло металлом, мужчиной, теплом и еще чем-то, что она не могла точно определить. Его неприветливое лицо было испачкано чем-то красным. Кровью? Кусачий ветер пронзил ее кожу и, кажется, вгрызся в самый костный мозг.

«Я дикарь, – говорило выражение фиалковых глаз незнакомца. – Я хищник».

«Кажется, мне следовало послушаться Макинтоша. Эти люди на холме, видимо, и вправду демоны», – подумала Эшлин.

– Ты одна из них? – повторил мужчина.

Потрясенная до глубины души, перепуганная насмерть, она не сразу заметила, что кое-что изменилось, но никак не могла понять, что именно это было – воздух, температура или что-то другое. И вдруг поняла: голоса замолчали.

Глаза Эшлин расширились от удивления. Голоса действительно замолчали, как будто появление незнакомца спугнуло их, нагнало на них страха не меньше, чем на нее саму. Девушку окутала тишина, причем необычная, такая, с которой ей не доводилось сталкиваться никогда прежде, – всеобъемлющая, величественная, блаженная.

Порыв ветра взметнул вверх шуршащие листья. Мягко урчала выюга, рассыпая повсюду снежные хлопья, убаюкивая и утешая. Вековые деревья, казавшиеся воплощениями мощи и жизненной силы, вальяжно покачивали ветвями.

Эшлин прислушалась к величественной симфонии, исполняемой природой, и внезапно весь ее страх исчез. «Как человек, принесший с собой такую удивительную тишину, может быть одержим злым духом? – удивилась она. – Демоны истязают, а не дарят мир. Выходит, этот человек – милосердный ангел, как и говорили местные?» Закрыв глаза от удовольствия, девушка упивалась снизошедшими на нее тишиной и миром.

– Эй, женщина! – Казалось, ангел был сбит с толку.

– Тсс, – ответила Эшлин, наслаждавшаяся тишиной. Даже дома в Северной Калифорнии, в особняке, построенном рабочими, которым было запрещено разговаривать без необходимости, ее всегда преследовало эхо давно отзвучавших слов. – Не разговаривай. Просто наслаждайся.

Незнакомец ответил не сразу.

– Как ты смеешь на меня шикать?! – рявкнул он наконец, но скорее удивленно, чем зло.

– Ну вот, ты опять разговариваешь, – с укором проговорила Эшлин, но тут же осеклась. Ангел или нет, но незнакомец не производил впечатления человека, которого стоит одергивать, а злить его ей и подавно не хотелось – ведь с его появлением стало тихо и... тепло. Эшлин с удивлением ощутила, что ее тело стремительно согревается.

Девушка медленно открыла глаза. Они сидели нос к носу. Она чувствовала на своем лице его горячее дыхание. Его кожа призрачно сияла при лунном свете, слегка отливая медью. У незнакомца было угловатое, резко очерченное лицо, основным акцентом которого были подобный острию клинка нос и черные, точно сердце дьявола, брови. Фиалковые глаза в оправе длинных густых ресниц глядели хищно, с угрозой. «Я убью кого угодно и где угодно», – словно говорило выражение его лица. «Натуральный демон! – решила Эшлин. Но затем поправилась: – Нет, не демон». Окутавшая ее тишина – чистейшая, звенящая тишина – была по-настоящему хороша. «Но и не ангел, похоже, тоже». Он принес тишину, но ей было очевидно: он столь же опасен, сколь и красив. Чего стоит одна виртуозность, с которой он метает лезвия... «Так кто же он?» – спросила она себя.

Эшлин нервно сглотнула. Ее пульс колотился как сумасшедший, а грудь высоко вздымалась. «Мое тело, – думала она, – не должно так реагировать на сидящего передо мной незнакомца. Не должно, но реагирует». Он напоминал ей дракона из сказок, которые когда-то читал Макинтош: смертельно опасный – такого не приручишь, гипнотически притягательный – от такого не уйдешь. Внезапно девушка поймала себя на желании прижаться лбом к его плечу. Обнять его. Вцепиться в него и никогда не отпускать. Более того, она уже даже было начала медленно склоняться к нему. «Стой! Не делай этого!» – резко остановила себя она.

Эшлин была не очень избалована прикосновениями. В пять лет она попала в институт, где большинство сотрудников относились к ней как к лабораторной мыши. Они просто изучали

ее способность, ни о каких доверительных отношениях и речи не шло. Единственным более или менее близким ей человеком был Макинтош, но порой у нее возникало ощущение, что он в равной степени и любит ее, и боится – по крайней мере, обнимал ее и прикасался к ней он нечасто. Когда она подросла, с парнями и мужчинами дела обстояли не лучше. Они разбегались в разные стороны, когда узнавали о ее даре, а узнавали они всегда, – к сожалению, утаить его было невозможно. «Но, – сказала себе девушка, – если сидящий передо мной великан – тот, о ком я думаю, то, быть может, его не отпугнет мой «талант». Быть может, он не будет против, если я до него дотронусь. И, быть может, это касание и идущий от тела незнакомца жар окажутся так же хороши, как и тишина, или даже еще лучше».

– Женщина? – повторил незнакомец более мягко, прервав череду ее мыслей.

Эшлин вздрогнула и еще раз сглотнула. «Мне показалось или в его ледяных фиалковых глазах действительно мелькнуло желание, изгнав бывшее злобное выражение? Или он просто собирается меня убить, хоть ему и немного жаль – отсюда и желание?» – спрашивала она себя. Ее раздирали противоречивые чувства: страх, болезненное восхищение и банальное женское любопытство. В жизни она нечасто соприкасалась с мужчинами и еще реже – с желанием.

«Почему я медленно всем корпусом тянусь к нему? – спрашивала себя Эшлин. – Вдруг он расценит мое прикосновение как приглашение. Вдруг ответит тем же? Но почему одна мысль об этом не приводит меня в истерику? Может, потому, что я ошиблась и никакой он не дракон, а сказочный принц, убивший дракона, чтобы спасти прекрасную принцессу?» Неожиданно для себя самой она спросила:

– Как тебя зовут?

Повисла напряженная пауза. Эшлин уже почти не верила, что он ответит. Вокруг его глаз и рта залегли хмурые складки, словно находиться возле нее было ему неприятно. Наконец он ответил:

– Мэддокс. Меня зовут Мэддокс.

Мэддокс... Имя скользило и перекатывалось по коридорам ее сознания, словно некий соблазнительный напев, обещающий невообразимое наслаждение. Она заставила себя улыбнуться в знак приветствия.

– А я – Эшлин Дэрроу.

Его взгляд опустился на ее губы. Несмотря на снегопад, на лбу у него блестели капли пота.

– Ты не должна была сюда приходить, Эшлин Дэрроу, – прорычал он, и ни в голосе, ни во взгляде у него больше не было ни намек на желание, которое ее одновременно влекло и пугало. Но, положив ладони на ее запястья, он с неожиданной мягкостью повел ими вверх, дойдя до основания шеи. Затем его пальцы осторожно переместились на горло, нащупали бешено колотящийся пульс.

Эшлин порывисто втянула ноздрями воздух и сглотнула. Пальцы Мэддокса проследили за движением слюны – жест непреднамеренный, но исполненный такой чувственности, что тело Эшлин обмякло. Однако мгновение спустя его хватка стала жестче, почти болезненной.

– Пожалуйста, – хрипло выдохнула девушка, и Мэддокс отпустил ее.

Эшлин моргнула в недоумении. Когда он отнял руку, она почувствовала себя... обездоленной, словно у нее отняли что-то очень ей дорогое.

– Осторожнее, – сказал он, на сей раз по-венгерски.

Она не поняла, кому именно следует быть осторожнее – ему или ей.

– Ты один из них? – мягко спросила она по-английски. Пусть он не знает, что она владеет обоими языками.

Его глаза осветило недоброе удивление, на скуле дернулась мышца.

– Что значит – один из них? – поинтересовался Мэддокс, снова перейдя на английский.

– Я... я... – Звуки отказывались складываться в нечто членораздельное.

Черты Мэддокса исказила яростная гримаса – ничего подобного Эшлин в жизни не видела. Каждая черточка его напряженного тела излучала необузданность и злобу. Девушка обхватила себя руками. «Нет, он точно не принц, – решила она. – Он – дракон, как я сначала и подумала».

Оставаясь на коленях, Мэддокс отклонился назад. Он сделал размеренный вдох, а затем медленно выдохнул, и перед его лицом повисло облачко пара. Его рука потянулась к ботинку и застыла у голенища, словно он не мог на что-то решиться. Наконец он сказал:

– Что ты делаешь в этом лесу, женщина? И не пытайся мне солгать – я пойму, и то, что произойдет потом, тебе не понравится.

Эшлин кое-как выдавила из себя:

– Я ищу людей, которые живут на вершине этого холма.

– Зачем? – потребовал ответа мужчина.

«До какой степени мне следует ему открыться? – спросила себя Эшлин. – Он определенно один из тех самых созданий с необычными способностями. Для простого человека он слишком большой и сильный. К тому же одно его присутствие отогнало голоса, чего со мной никогда прежде не происходило».

– Мне нужна помощь, – проговорила девушка.

– Вот как? – Его лицо выражало борьбу между подозрением и доверием. – В чем?

Эшлин открыла рот, чтобы ответить, сама еще толком не зная, что именно, но он остановил ее быстрым движением головы.

– Впрочем, это не важно. Тебе здесь не рады, поэтому можешь ничего не объяснять. Возвращайся в город. За чем бы ты сюда ни пожаловала, ты этого не получишь.

– Но... но... – Она не могла допустить, чтобы ее вот так отослали обратно. Она нуждалась в нем. Да, она только что его встретила. Да, она не знала о нем ничего, кроме имени и того, что он метает кинжалы с меткостью профессионала. Но ее пугала одна только мысль, что тишина покинет ее. – Я хочу остаться с тобой, – ответила она, зная, что в ее голосе звучит отчаяние, но ей было все равно. – Пожалуйста. Хотя бы ненадолго. Пока я не научусь справляться с голосами сама.

Казалось, ее мольба вместо того, чтобы смягчить, еще сильнее обозлила незнакомца. Его ноздри раздувались, а на челюсти задержался мускул.

– Твоя болтовня меня не одурочит. Ты – наживка. Иначе ты в ужасе удирала бы от меня.

– Я не наживка! – возмутилась Эшлин, решив отрицать этот факт, что бы он ни значил. – Клянусь богом! – Вытянув обе руки, она ухватила его за запястья. Плоть у нее под ладонями была твердой, напряженной, невероятно горячей и возбуждающей. По коже Эшлин побежали мурашки. – Я даже не знаю, о чем ты говоришь.

Рывком высвободив руки, Мэддокс ухватил ее за шею, у самого основания головы, и потянул вперед, чтобы ей на лицо попал лунный свет. Эшлин не было больно, напротив, по ее телу вновь прошел разряд эклектического тока, а живот наполнился приятными ощущениями.

Не говоря ни слова, он всматривался в лицо девушки с напряжением, граничившим с жестокостью. Она тоже рассматривала его, и вдруг ее бросило в холодный пот: что-то начало мерцать и извиваться у него под кожей, постепенно проступая все более отчетливо. «Это лицо, – поняла она, охваченная ужасом и восхищением. – Еще одно лицо. – Ее сердце замерло. – Он не демон, не демон, – пронеслось в ее голове. – Он остановил голоса. Он и остальные сделали городу много добра. Это всего лишь игра света».

Она по-прежнему видела черты Мэддокса, но вместе с тем отчетливо различала и тень кого-то или чего-то другого – красные светящиеся глаза; скулы, как у скелета; острые, как кинжалы, зубы. «Пожалуйста, пусть это будет все лишь игрой света!» – мысленно умоляла Эшлин.

Но чем дольше скелетоподобная физиономия глазела на нее, тем труднее было делать вид, что это происходит не на самом деле.

– Ты хочешь умереть? – зло спросил Мэддокс. «Или все же скелет?» – подумала девушка. Слова прозвучали так горланно, что казались почти звериным рыком.

– Нет, – ответила она, решив, что пусть он лучше убьет ее, потому что тогда она умрет с улыбкой на устах. Две минуты тишины значили для нее больше, чем целая жизнь, наполненная шумом. Напуганная, но решительная, чувствуя, как по коже по-прежнему бегают мурашки от его прикосновения, Эшлин вздернула подбородок. – Мне нужна твоя помощь. Скажи мне, как контролировать мою способность, и я уйду прямо сейчас. Или позволь остаться и узнать, как это делается.

Мэддокс отпустил ее, затем снова потянулся к ней, но остановился и стиснул кулак.

– Не знаю, чего я жду, – сказал он жестко, хотя и смотрел на ее рот с выражением, которое вполне можно было истолковать как желание. – Уже почти полночь, и тебе лучше быть от меня как можно дальше.

Едва было произнесено последнее слово, мужчина нахмурился. Мгновение спустя он прорычал:

– Слишком поздно! Боль уже ищет меня.

Мэддокс отстранился от Эшлин. Скелетообразная маска по-прежнему проглядывала у него под кожей.

– Беги! Возвращайся в город! Немедленно! – закричал он.

– Нет, – отрезала она, в то время как ее тело, хоть и не сильно, дрожало. Только дурак бежит от рая, даже если у этого рая прозрачное лицо прямиком из ада.

Еле слышно выругавшись, Мэддокс выдернул из дерева оба клинка и закрепил на ноге. Его взгляд скользнул вверх, миновал снежинки и вершины деревьев и уперся в луну. Его нахмуренное лицо стало откровенно злым, агрессивным. Мужчина стал пятиться.

Эшлин оперлась о дерево и встала. Ноги задрожали, едва не подламываясь, под ее весом. Она вновь почувствовала ледяной ветер, услышала перешептывание голосов совсем близко от себя. Ее нутро сдавил вопль отчаяния.

Мэддокс сделал уже три шага, затем четыре.

– Куда ты идешь?! – крикнула она. – Не бросай меня здесь!

– Нет времени вести тебя в убежище. Ты должна будешь найти его сама. – Он развернулся, предоставив ей обозреть свои широкие плечи и удаляющуюся спину, а затем бросил через плечо: – Не возвращайся на этот холм, женщина. В следующий раз я не буду таким добрым.

– Я не уйду! Куда бы ты ни направился, я пойду за тобой! – заявила Эшлин, и это была угроза, которую она собиралась исполнить.

Остановившись, Мэддокс обернулся и смерил ее злым взглядом. обнажив зубы, он снова прорычал:

– Я могу убить тебя здесь и сейчас, наживка. Как ты тогда пойдешь за мной?

«Опять эта наживка», – подумала Эшлин. Сердце у нее в груди отбивало барабанную дробь, но она стойко встретила его взгляд, надеясь, что кажется настойчивой и решительной, а не перепуганной насмерть.

– Поверь, лучше уж так, чем остаться наедине с голосами.

Ощувив резкую боль и сдавленно ругнувшись, Мэддокс согнулся вдвое. Эшлин бросилась к нему, обхватила за спину и принялась шарить руками по животу в поисках раны. «Это какой же силы должна быть боль, что такой великан согнулся, как тростинка!» – удивилась она. Он отпихнул ее с такой силой, что она едва удержалась на ногах.

– Нет! – проревел Мэддокс, и Эшлин могла поклясться, что он говорил двумя разными голосами, причем один из них был человеческим, а другой принадлежал существу страшному

и могущественному. Этот второй голос и грохотал, подобно буре, эхом разливаясь в ночи. – Не трогай меня!

– Тебе больно? – спросила она, стараясь не показывать, насколько задела ее такая реакция. – Давай я помогу. Я...

– Уходи, или умрешь! – закричал он, а затем развернулся, рванул вперед и исчез во мраке ночи.

Голова девушки взорвалась голосами, которые словно ждали, когда мужчина уйдет. Теперь они звучали даже громче, чем прежде, и девушка едва могла их выносить после драгоценной тишины.

«Langnak ithon kel moradni».

Ковыляя в том же направлении, в котором скрылся Мэддокс, Эшлин заткнула уши.

– Подожди! – стонала она. «Заткнитесь, заткнитесь, заткнитесь!» – проносилось в ее голове. – Подожди! Пожалуйста!

Споткнувшись о сломанный сук, она снова упала на землю. Резкая боль пронзила ее лодыжку. Поскуливая, она встала на четвереньки и поползла.

«Ate iteleted let minket veszejbe».

«Не останавливаться! Догнать его!» – приказала себе Эшлин.

Острые, как кинжалы Мэддокса, порывы ветра стегали ее. Полчища голосов, тесня друг друга, гремели в ее голове.

– Пожалуйста! – кричала она. – Пожалуйста!

Внезапно ночь пронзил яростный рев, от которого сотряслись земля и деревья, и Мэддокс снова оказался возле нее, отогнав голоса.

– Глупая наживка, – выдавил из себя он и, скорее обращаясь к самому себе, добавил: – Глупый воин.

Закричав от облегчения, она обхватила его руками. «Держаться крепко, не отпускать. И плевать на скелетообразную маску, плевать на все!» – решила девушка. У нее по щекам катились слезы, влажная кожа пощипывала из-за мороза.

– Спасибо! Спасибо, что вернулся! Спасибо! – поблагодарила она.

Эшлин положила голову ему на плечо, совсем как воображала раньше. Коснувшись щекой его шеи, она вздрогнула, и по ее коже вновь побежали теплые колючие мурашки.

– Ты пожалеешь об этом, – сказал он и забросил ее на плечо, словно мешок с картошкой.

Но Эшлин было все равно. Она была с ним, голоса отступили – это все, что сейчас имело значение.

Мэддокс пустился через лес, лавируя меж призрачных деревьев. Время от времени он ревел, словно от боли, рычал, будто от ярости. Эшлин умоляла опустить ее на землю, чтобы ему было легче бежать, но в ответ он лишь крепче стиснул ее бедра – безмолвный приказ замолчать. Наконец она полностью обмякла и стала наслаждаться путешествием.

Если бы только это удовольствие могло длиться вечно...

Глава 3

«Домой, домой, домой», – твердил про себя Мэддокс, стараясь отвлечься от боли. Стараясь заглушить желание чинить насилие, которое стремительно нарастало. Женщина, Эшлин, висела у него на плече, напоминая, что он может в любой момент сломаться и начать крушить все вокруг. Особенно ее саму.

«Ты хотел утонуть в женщине, – дразнил его злой дух. – Тебе представилась такая возможность: утони в ее крови».

Мэддокс стиснул кулаки. Ему надо было подумать, но он не мог сделать это из-за разливающейся по телу боли. Эшлин упомянула о какой-то способности, попросила его о помощи. Почти все, что она говорила, растворилось в реве, раздававшемся в его голове. Единственное, что Мэддокс знал наверняка, – нужно было оставить ее в лесу, как он и собирался. Но, услышав ее крик, полные муки стоны, он вспомнил, как часто сам готов был точно так же застонать. Что-то глубоко внутри его отозвалось на мольбу девушки, и он захотел помочь ей, еще один раз прикоснуться к ее мягкой коже. И, как невероятно это ни было, порыв оказался во много раз сильнее, чем те, что внушал ему Насилие. И поэтому мужчина вернулся за ней, хотя знал, что с ним она подвергается большей опасности, чем оставшись одна в лесу. Мэддокс понимал, что, скорее всего, ее подослали охотники, чтобы она помогла им проникнуть в крепость, но это почему-то не помешало ему помочь девушке. «Дурак», – мысленно выругался мужчина. От Эшлин пахло женщиной, и этот запах щекотал ему ноздри, а мягкие изгибы ее тела пробуждали в нем инстинкты исследователя. «Зачем исследовать? Гораздо приятнее искромсать на кусочки», – подстрекал демон.

«Понятно, почему охотники послали именно ее – она необыкновенно красива, – думал Мэддокс. – У кого поднимется рука уничтожить столь очаровательное женственное создание? У кого хватит силы воли оттолкнуть столь откровенную чувственность? По всей видимости, не у меня», – решил он.

«Дурак, – вновь мысленно обругал себя он. – Охотники! Они точно в Будапеште, ведь я своими глазами видел татуировки – мрачное напоминание о тех далеких темных днях в Греции». Очевидно, они вновь вышли на тропу войны: у каждого из четверки, следовавшей за Эшлин, было при себе по пистолету с глушителем. Кроме того, для смертных они дрались слишком умело, если не сказать профессионально. Мэддокс вышел победителем из кровавой схватки, но был ранен – ему порезали ногу и сломали ребро. Похоже, время только отточило их навыки.

«Интересно, как отреагирует Эшлин, когда узнает, что они мертвы? – подумал он. – Будет ли она плакать? Кричать? Жаловаться? Попытается ли, охваченная горем, напасть на меня? Есть ли еще другие охотники в городе?»

Последний вопрос был жизненно важен, но в тот момент Мэддокс был не способен думать об этом. Крепко сжимая Эшлин, он ощутил, как у него в душе разливается счастье, жизнь вдруг перестала казаться сущим адом. Внутри его плескалось светлое и радостное нечто, чему он не мог подобрать верное название. «Желание?» – спросил себя он. Но затем категорически отменил эту возможность, поскольку она не объясняла охватившие его чувства. «Может, это одержимость?» – подумал он.

Чем бы это чувство ни было, Мэддоксу оно не нравилось. В его жизни уже была сила, в тисках которой он извивался как покорная марионетка, и ему не нужна была еще одна.

«Но эта девушка такая... милая, – думал мужчина. – Такая милая, что на нее почти больно смотреть». Ее кожа, нежная и мягкая, напоминала палочку корицы, которую обмакнули в мед, а затем – во вкуснейший крем. От ее глаз того же медового оттенка было невозможно

оторвать взор, и при одном воспоминании о них у Мэддокса начинало ныть в груди. Он никогда не встречал смертной женщины, которая выглядела бы несчастнее и роднее.

Там, под деревом, когда пряди длинных шелковистых волос тоже цвета меда, но с налетом меди и кварца, хлестали ее нежное личико, мужчина чувствовал боль. И желание, желание трогать, пробовать на вкус. Заглотить. Испить до дна. И ни намек на желание сделать больно. Его это поразило еще тогда, и сейчас он продолжал недоумевать.

«Эшлин...» Ее имя эхом звучало у него в голове, столь же красивое, как и она сама. Неся ее в крепость, Мэддокс нарушал правила, подвергал опасности тайны воинов, которые они так отчаянно хранили. По идее, он должен был испытывать стыд, а она – рыдать от ужаса. Но, видимо, слово «должен» мало что значило для них обоих.

«Почему она не рыдает? – спрашивал себя Мэддокс. – И что еще более важно, почему она плакала до этого, когда я попытался уйти от нее?» Когда он напал на нее, забрызганный кровью ее дружков, ее лицо озарила нежная улыбка, пухлые губки раздвинулись, обнажив ровные белые зубы. Вспомнив эту улыбку, Мэддокс ощутил возбуждение, которое, однако, не вытеснило владевшее им недоумение. Он не мог припомнить случая, чтобы подосланная охотниками наживка столь явно демонстрировала удовольствие. Взять хотя бы Хэди, знакомство с которой стоило жизни Бадену, носителю демона Неверия.

Хэди блестяще разыграла роль несчастной, напуганной девушки. Баден поверил ей, пожалуй, впервые с тех пор, как внутри его заточили демона. А может, и не поверил. Может, он сам *хотел* умереть. Если так, то его желание сбылось. Открыв Хэди душу, он получил лезвием по горлу – в обмен на любовь девушка впустила в дом вооруженных охотников. Удар кинжалом сам по себе, скорее всего, не убил бы Бадена, но охотники не ограничились этим и отрезали ему голову. Баден был обречен. Даже бессмертный не может оправиться от такой раны.

Он был хорошим человеком, отличным воином и не заслужил такого кровавого конца. Чего не скажешь о Мэддоксе... «Мое убийство было бы оправданно», – часто думал он.

Наживка, что была до Хэди, соблазнила Париса. Не то чтобы это было так уж трудно... Когда они занимались любовью, охотники ворвались в спальню и кинжалом ударили воина в спину, чтобы ослабить его и беспрепятственно перейти к голове. Парис, однако, черпал силу в сексе. Даже раненый, он сумел отбиться и прикончил всех врагов.

Мэддокс не мог себе представить, как женщина, которую он нес, вероломно и трусливо нападает на него сзади. Она смотрела ему прямо в лицо и не отпрянула, даже когда демон внутри его стал рваться наружу. Возможно, Эшлин и невинна. Он не нашел ни камер, ни динамита близ деревьев, под которыми она укрывалась.

– А возможно, ты гораздо больший дурак, чем подозреваешь, – озвучил он свои мысли вслух.

– Что? – переспросила девушка.

Мэддокс ничего не ответил, зная, что так безопаснее. Ее голос, мягкий и мелодичный, дразнил духа своей нежностью. Пусть уж лучше молчит.

Наконец глаза различили темные шершавые камни, из которых была сложена крепость. «Как же долго я добирался назад!» – подумал Мэддокс. Нестерпимая боль схватками пронзала живот, почти повергая его на землю. Насилие змеился у него в венах, будоражил кровь.

«Убивай! Рви! Круши!» – требовал он.

– Нет, – ответил воин.

«Убивай! Рви! Круши!» – не успокаивался демон.

– Нет!

«Убивай! Рви! Круши!»

– Мэддокс?

Дух заревел, отчаянно вырываясь на свободу.

«Спротивляйся ему, – приказал себе Мэддокс. – Оставайся спокойным». Он набрал воздуха в легкие, задержал дыхание, медленно выдохнул.

«Убивай! Рви! Круши! Убивай! Рви! Круши!» – почти завопил демон.

– Я буду сопротивляться! Я не чудовище! – возразил Мэддокс.

«Посмотрим», – ответил дух.

У Мэддокса удлинились ногти, руки чесались от потребности ударить. «Если я не овладею собой, – подумал он, – то скоро начну крушить все, до чего только смогу дотянуться. Буду убивать, не зная ни милосердия, ни сомнения. Разнесу этот замок на булыжники, а затем передрежу всех его обитателей. Но скорее я вечность буду гореть в адском огне, чем допущу это».

– Мэддокс? – повторила Эшлин. Ее голос услаждал его слух, умиротворяя и воспаляя одновременно. – Что...

– Тихо. – Одной рукой придерживая девушку, другой он остервенело дернул на себя входную дверь, почти сорвав ее с петель. Приветствием ему послужил хор гневных голосов. Торин, Люсьен и Рейес стояли в холле и ругались.

– Ты не должен был дать ему уйти, – говорил Люсьен. – Он делается животным, Торин, которое...

– Перестаньте! – крикнул Мэддокс. – Помогите!

Все трое мужчин обернулись к нему.

– Что происходит? – строго спросил Рейес. Увидев Эшлин, он резко втянул воздух. Его лицо исказилось от изумления. – Почему ты с женщиной?

На шум в холле прибежали обеспокоенные Парис и Аэрон. Когда они увидели Мэддокса, черты их лиц разгладились.

– Ну наконец-то, – сказал Парис с явным облегчением.

Затем он заметил Эшлин и широко улыбнулся:

– Подарочек? Мне? Как это мило.

Мэддокс недобро улыбнулся.

«Убей их! – приказал Насилие, и на сей раз нутро Мэддокса почти откликнулось на этот призыв. – Убей их!»

– Вы не должны быть здесь! – проревел он. – Возьмите ее и уходите! Пока не стало слишком поздно!

– Посмотрите на него! – воскликнул Парис, от расслабленности и веселости которого не осталось и следа. – Посмотрите на его лицо!

– Процесс уже идет, – сказал Люсьен.

Эти слова вывели Мэддокса из оцепенения. Боль и безумие все нарастали, и, хотя ему отчаянно не хотелось отпускать Эшлин, он швырнул ее в сторону друзей. Люсьен без малейшего труда принял груз и поставил девушку на пол. Эшлин скривилась от боли. «Должно быть, подвернула ногу на холме», – подумал Мэддокс, и на долю секунды жажду крови затмило беспокойство.

– Осторожнее с ее ногой, – приказал он.

Люсьен отпустил Эшлин, чтобы осмотреть ее ногу, но она рванулась от него и похромала обратно к Мэддоксу. Не успел он опомниться, как девушка прильнула к нему и обвила руками. Она дрожала. Мэддокс ощутил новый укол беспокойства, однако мгновение спустя это прошло – сознание спуталось, страсть к насилию отодвинула на задний план все прочие чувства.

– Пусти меня! – рявкнул он и оттолкнул ее.

– Что случилось? – Женщина снова было подалась к нему, но Люсьен схватил ее и, держа стальной хваткой, оттащил назад.

Не сделай он этого, в следующее мгновение Мэддокс разодрал бы ее на куски. Почти не владея собой, он впечатал оба кулака в ближайшую к нему стену.

– Мэддокс, – пролепетала Эшлин дрожащим голосом.

– Не навредите ей! – прохрипел Мэддокс, обращаясь в том числе к себе самому. – Ты, – ткнул он перемазанным кровью пальцем в Рейеса, – в спальню, сейчас же.

Не дожидаясь ответа, Мэддокс кинулся вверх по лестнице. Миновал несколько ступенек, он услышал, как Эшлин, вырываясь, закричала:

– Но я хочу остаться с тобой!

Прикусив до крови щеку, Мэддокс бросил быстрый взгляд через плечо, чтобы тут же отвернуться и бежать дальше. Но когда он увидел, как Люсьен силой удерживает отбивающуюся Эшлин, как его темные волосы касаются ее плеч, жажда крови усилилась настолько, что ее стало почти невозможно терпеть. Его обуяло непреодолимое желание развернуться, сбежать назад в холл и разорвать друга на куски. «Моя, – клокотало его нутро. – Она моя! Это я нашел ее! Никто, кроме меня, не смеет ее трогать!» Мэддокс не был уверен, чьи это мысли – его или демона, да и сейчас ему было все равно. Ему просто хотелось убить. Дичайшая ярость сотрясала все его естество. И вот он действительно остановился и развернулся, чтобы броситься на Люсьена, рассечь его клинком пополам, заливая кровью весь холл.

«Круши, круши, круши! Убей!» – кричал демон.

– Он собирается напасть, – констатировал Люсьен.

– Убери ее отсюда! – заорал Торин.

Люсьен потащил Эшлин из комнаты. Ее полные ужаса вопли эхом отдавались в ушах Мэддокса, что только усилило темные устремления. Перед его мысленным взором снова и снова мелькало ее бледное красивое лицо, и в конце концов это стало единственным, что он вообще видел. Она боялась. Верила ему, хотела его. Простирала руки к нему.

В животе у него извивался жалящий клубок пульсирующей агонии, но он не замедлил шага. Вот-вот пробьет полночь, и он умрет, но, уходя, прихватит с собой всех остальных.

«Да, разорви их на куски!» – приказывал демон.

– Вот черт, – процедил Аэрон. – Демон полностью подчинил его. Придется скрутить его. Люсьен, сюда! Быстрее!

Аэрон, Рейес и Парис ринулись на друга. Мэддокс выхватил свои метательные кинжалы и пустил их в ход. Ожидавшие нападения, все трое воинов пригнулись, и блестящие клинки, просвистев у них над головой, вонзились в стену. Мгновение спустя они уже набросились на Мэддокса и повалили на пол. Кулаки впечатывались ему в лицо, живот, пах. Ревя, рыча, отвечая ударами на удары, он остервенело отбивался.

Челюсть была выбита, чувствительная плоть между ног ныла. И все же он продолжал защищаться. В пылу схватки воинам удалось затащить его вверх по ступенькам и затолкнуть в спальню. Мэддоксу казалось, будто он слышит рыдания Эшлин, казалось, что он видит, как она пытается оттащить от него противников. Выбросив вперед кулак, он попал кому-то по носу. Мэддокс услышал вой и почувствовал удовлетворение. В этот миг его охватило желание пустить еще больше крови.

– Вот черт! Прикуй его цепями, Рейес, пока он еще кого-нибудь не изувечил, – произнес кто-то из воинов.

– Он слишком сильный. Не знаю, сколько еще мы его продержим, – раздался чей-то голос.

Мэддокс рассыпал удары еще какое-то время – то ли пару минут, то ли целую вечность, а затем холодный металл сомкнулся на его запястьях и лодыжках. Он дергался и извивался, не обращая внимания на то, что кандалы впиваются ему в кожу.

– Ублюдки! – бесновался он. Живот невыносимо болел, приступы сменились постоянной агонией. – Я убью вас! Я вас всех прихвачу с собой в ад!

Рейес навис над ним с выражением мрачной решимости и сожаления. Мэддокс попытался ударить его коленями, но не смог из-за цепей. Не обращая внимания на маневры друга, воин вытащил из закрепленных у него на поясе ножен длинный, устрашающего вида меч.

– Извини, – прошептал Рейес, когда часы пробили полночь, и вонзил меч в живот друга.

Острие прошло насквозь. Кровь хлынула из раны на грудь и живот. Желчь обожгла горло и нос. Мэддокс ревел и извивался.

Рейес вонзил меч еще раз. И еще.

Боль... агония... Кожа горела, точно объятая пламенем. Острие меча раздробило кости, повредило органы, и с каждым новым ударом страдание усиливалось. И все же Мэддокс продолжал биться и неистовствовать, так как отчаянное желание убивать по-прежнему мучило его.

Раздался женский крик:

– Перестань! Ты убиваешь его!

Когда этот крик вонзился в сознание Мэддокса, он стал биться еще неистовее. «Эшлин... – пронеслось в его голове. – Моя женщина из леса. *Моя*. Где она? Где же она? Я должен убить ее. Нет! Я должен спасти ее». Убить... спасти... – эти две потребности боролись внутри его. Мэддокс рванулся в постели. Металлические оковы вонзились глубже в его запястья и лодыжки, но он продолжал извиваться. Кровать сотрясалась, и стальные решетки в изголовье и изножье с лязгом ходили взад и вперед.

– Почему ты это делаешь? – вопила Эшлин. – Остановись! Не трогай его! О боже, остановись!

Рейес нанес еще один удар.

Мэддокс шарил по комнате безумным взглядом. Взор застилала черная паутина, но все же он разглядел Париса, который устремился к Эшлин. Вот он потянулся к ней, обхватил ее руками. По сравнению с Парисом она казалась крошечной. Слезы блестели в ее янтарных глазах и на бледной коже щек. Она сопротивлялась, но Парис был сильнее: крепко ухватив, он выволок ее из комнаты.

Мэддокс издал звериный рев. «Парис соблазнит ее, – подумал он. – Разденет ее и попробует на вкус. Она не сможет устоять. Ни одна женщина не может».

– Отпусти ее! Сейчас же! – закричал он.

Воин с таким остервенением рванул цепи, что кровать едва выдержала. От усилия у него лопнула на лбу вена, и в глазах окончательно потемнело.

– Уберите ее отсюда и больше не впускайте! – приказал Рейес и нанес Мэддоксу еще один, пятый, удар. – Из-за нее он беснуется сильнее, чем обычно!

«Я должен спасти ее, – проносилось в голове Мэддокса. – Где она?» Грохот цепей сливался с его срывающимся дыханием, а он все пытался вырваться.

– Извини, – снова прошептал Рейес и ударил мечом в шестой раз.

Когда острие было извлечено, силы оставили Мэддокса. Демон затих, отступив на задворки сознания.

Конец. Все было кончено.

Распростертый на постели, ослепший и неподвижный, он истекал кровью. Боль не прошла, напротив, только усилилась, стала частью его естества, как кожа. Горлом шла какая-то теплая жидкость.

Люсьен – обманчиво сладкий аромат Смерти не оставлял сомнений, что это был он, – опустился возле Мэддокса на колени и взял за руку, и это означало, что конец близок. Однако этот конец был мнимым, поскольку подлинная пытка ожидала Мэддокса впереди. Полуночное проклятие требовало, чтобы он вместе с Насилием провел остаток ночи, поджариваясь в аду.

Мэддокс открыл рот, чтобы заговорить, но вместо слов вышел кашель. Из горла все сильнее хлестала кровь, он задыхался.

– Утром тебе придется много чего объяснить, мой друг, – сказал Люсьен, а затем мягко добавил: – А теперь умирай. Я сопровожу твою душу в ад, правда, на этот раз ты, пожалуй, был бы не прочь остаться там насовсем, лишь бы не расхлебывать ту кашу, что заварил, а?

– Де... девушка, – наконец выдавил из себя Мэддокс.

– Не волнуйся, – отозвался Люсьен, понимая, что сейчас неподходящее время для вопросов и объяснений. – Мы не навредим ей. Ты сам будешь разбираться с ней утром.

– Не трогайте ее, – произнес Мэддокс.

Он понимал, что эта просьба звучит странно, учитывая, что никто из воинов никогда не был одержим женщинами. Но Эшлин... Он еще точно не понимал, что сделает с ней. Мэддокс знал лишь, что должен сделать, но чего ни за что не сделает. Впрочем, сейчас это все не имело значения. Единственное желание, которое им владело в данный момент, – не делиться.

– Не трогайте, – слабым голосом повторил он, когда Люсьен не ответил.

– Не будем, – пообещал Люсьен.

Цветочный аромат усилился. Прошло еще несколько мгновений, и Мэддокс умер.

Глава 4

– Кто ты и откуда знаешь Мэддокса?

– Отпусти меня! – возмутилась Эшлин.

Она дергалась и извивалась, пытаясь освободиться, хотя мужчина держал ее стальной хваткой. Лодыжка болела, но ей было все равно. – Они его убивают! – продолжала кричать она.

Они в самом деле его убивали, вновь и вновь погружая ему в живот острие огромного меча! Кровь хлестала фонтаном, стены сотрясались от воплей. При воспоминании об увиденном и услышанном ей стало дурно.

Голосов по-прежнему не было, но она мучилась сильнее, чем когда-либо.

– С Мэддоксом все будет хорошо, – заверил ее незнакомец. Мэддокс сломал ему нос – Эшлин видела это своими глазами, но сейчас его лицо было снова в полном порядке. Отняв руку от ее талии, он погладил ее по виску и осторожно отвел назад прядь волос. – Вот увидишь.

– Ничего я не увижу! – рыдала она. – Пусти!

– Не люблю отказывать таким красивым девушкам, как ты, но придется. Из-за тебя он мучился.

– Из-за меня?! Не я всадила в него меч. Пусти сейчас же! – возмутилась она. – Ну пожалуйста!

Не зная, что еще сделать, девушка перестала биться и пристально посмотрела на стоящего перед ней мужчину. У него были ярко-голубые глаза и молочно-белая кожа. В волосах причудливо сочетались черные и коричневые тона. Он был красавцем, каких она никогда не видела, совершенным во всех отношениях.

Но все, чего сейчас хотела Эшлин, – это вырваться и убежать.

– Успокойся. – Лицо мужчины озарила мягкая, соблазнительная улыбка – явный плод долгих тренировок перед зеркалом и «в поле». – Ты не должна меня бояться, красавица. Я приношу лишь наслаждение.

Ярость и испуг, горе и возмущение вселили в нее силу и мужество, и она вlepила ему звучную пощечину. «На его глазах только что закололи Мэддокса, и он не сделал ничего, чтобы этому помешать, – думала девушка. – К тому же после всего у него хватает наглости приставать ко мне. Он – страшный человек, и, разумеется, у меня есть причины его бояться».

Незнакомец перестал улыбаться и насупился.

– Ты ударила меня, – произнес он, и в его голосе звучало удивление.

Отвесив ему еще одну пощечину, Эшлин отчеканила:

– Я сказала: пусти меня!

Складки между его нахмуренными бровями углубились. Он потер ушибленную щеку одной рукой, продолжая удерживать девушку другой.

– Женщины не бьют меня. Они меня любят.

Эшлин занесла руку для новой пощечины.

– Ну и ладно, – вздохнул мужчина. – Иди. Мэддокс перестал кричать, и ты уже не сможешь его расстроить.

Красивый незнакомец разжал руки, и Эшлин, пока он не передумал, прихрамывая, побежала прочь по коридору. Влетев в комнату и увидев окровавленную постель и неподвижное тело, она застыла, будто пораженная громом.

«Господи боже!» – думала она. Глаза Мэддокса были закрыты, а грудь неподвижна. Горло Эшлин сдавило рыдание, и она прикрыла рот трясущейся рукой. Глаза наполнились жгучими слезами.

– Они убили тебя, – прошептала она.

Подбежав к постели, притронулась к щеке Мэддокса и слегка потеревила, но он никак не отреагировал. Веки были плотно закрыты и не двигались. Холодный и бледный от кровопотери, воин не дышал. Она опоздала...

«Этот человек был таким сильным, таким полным жизни и энергии, какими же нужно быть зверями, чтобы вот так запросто взять и убить его?» – спрашивала себя девушка.

– Кто она такая? – произнес мужской голос.

Эшлин испуганно обернулась. Убийцы Мэддокса стояли в стороне и переговаривались. «Как я могла забыть о них?» – удивилась она своей неосмотрительности. Они то и дело поглядывали на нее, и речь явно шла о ней, но непосредственно к девушке никто не обращался. Беседа текла легко и свободно, словно в комнате не было ни ее самой, ни бездыханного окровавленного трупа.

– По идее, ее надо отправить в город, но она слишком много видела, – раздалось в ответ. – О чем думал Мэддокс?

– Я столько прожил с ним бок о бок, но и понятия не имел, что он так страдает, – тихо проговорил ангельского вида блондин с зелеными глазами. Он был одет во все черное, а руки его закрывали перчатки с высокими крагами. – Это всегда происходит так?

– Нет, не всегда, – ответил тот, кто орудовал мечом. – Обычно он меньше сопротивляется. – Взгляд его темных глаз был жестким, а тон – страдальческим. – Эта женщина...

«Убийца!» – мысленно крикнула Эшлин, готовая броситься на него. Всю жизнь ее терзали голоса – день за днем на нее обрушивались тысячелетия полных ненависти обвинений, криков ужаса. И единственный человек, принесший ей мир и покой, был жестоко убит прямо у нее на глазах. «Сделай же что-нибудь, Дэрроу!» – приказала себе Эшлин. Она вытерла пылающие глаза тыльной стороной ладони и выпрямилась, насколько позволяли трясущиеся ноги. «Но что я могу сделать? – спросила себя она. – Ведь их больше, и они сильнее».

Покрытый с ног до головы татуировками воин хмуро рассматривал девушку. У него были темно-русые, по-военному коротко стриженные волосы, пирсинг в обеих бровях и мягкие полные губы, а мускулов куда больше, чем у чемпиона мира по силовому троеборью. Его можно было бы назвать красивым – он обладал красотой серийного убийцы, если бы не эти ужасные татуировки. Жуткие сцены с войной и оружием покрывали даже его щеки. Глаза были того же фиалкового цвета, что и у Мэддокса, но, в отличие от последнего, в них не улавливалось ни намека на тепло и хоть какие-то эмоции. У него из носа подтекала кровь, которую он то и дело отирал с подбородка.

– Мы должны сделать что-то с девчонкой, – процедил он, выделив голосом слово «что-то». «Снова тот же холодный, равнодушный тон», – заметила про себя Эшлин. – Мне не нравится, что она здесь.

– Пусть так, Аэрон, но мы и пальцем ее не тронем. – Произнесший это был обладателем чернильно-черных волос, темным нимбом обрамлявших голову, и разноцветных глаз – один был карим, другой – голубым. Все его лицо покрывали шрамы. На первый взгляд он казался уродливым. Однако в следующее мгновение приходило понимание, что в нем есть нечто особенное, какой-то почти гипнотический магнетизм, который исходил от него вместе с ароматом роз. – Завтра утром она будет в том же состоянии, что сейчас. Дышащая и одетая.

– Совсем как Мэддокс, которому и достанется все веселье, – раздался за спиной у Эшлин насмешливый голос, заставивший ее резко обернуться.

Красивый бледный мужчина стоял в дверном проеме. Он рассматривал ее голодным взглядом, словно снял с нее одежду и любуется открывшимся ему зрелищем. Дрожь прокатилась по телу девушки, от макушки к кончикам пальцев на ногах. «Ублюдки, все они!» – выругалась она про себя. Она недобро осмотрела комнату, и ее взгляд остановился на окровавленном мече, валявшемся на полу, том самом, который прошел сквозь тело Мэддокса, словно сквозь тончайший шелк.

– Я хочу знать, кто она, – громко произнес татуированный – Аэрон. – И я хочу знать, почему Мэддокс притащил ее сюда. Он знает правила.

– Она, наверное, была на холме вместе с другими смертными, – отозвался ангел. – Но это, конечно, не объясняет, почему он привел ее в замок.

Эшлин стало смешно, но она не смогла рассмеяться, так как ее почти полностью покинули силы. «Я должна была послушаться Макинтоша! – думала она. – Это место – обиталище демонов!»

– Ну и что будем с ней делать? – спросил Аэрон.

Мужчины вновь повернули голову в ее сторону, а Эшлин рванулась к мечу. Обхватив пальцами рукоять, она выпрямилась и выставила клинок острием в их сторону. Меч оказался тяжелее, чем она думала, и ее руки тут же задрожали от напряжения, но девушка не опустила его. Воины едва удостоили произошедшее вниманием, им явно было совсем не страшно, но это не сломило ее волю сражаться. Хотя она знала Мэддокса совсем недолго, внутри ее клочкотали неистовая скорбь и жажда возмездия. «Мэддокс, – его имя прошелестело в ее сознании. – Его больше нет. И никогда уже не будет». Ее живот свело болезненным спазмом.

– Я убью вас всех! Он не сделал ничего плохого! – закричала девушка.

– Не сделал ничего плохого? – фыркнул кто-то из воинов.

– Она хочет убить нас. Значит, охотники где-то на подходе, – бросил Аэрон с отвращением.

– Охотник никогда бы не сказал, что Мэддокс не сделал ничего плохого. Даже в шутку.

– Охотник – нет, а вот наживка – еще как. Помните: каждое слово, что они произносят с самым невинным видом, – ложь.

– Я видел на мониторах, как Мэддокс убил четверых человек, чего бы он никогда не сделал, будь они невинны. И в то же самое время в лесу оказалась обычная, посторонняя женщина? Я не верю в такие совпадения.

– Думаете, она умеет обращаться с мечом?

Снова послышалось фырканье.

– Конечно нет. Посмотри, как она его держит.

– Смелая, однако, штучка.

Эшлин тарасилась на них, с трудом следя за беседой.

– Вам что, совсем нет дела, что погиб человек? Что это вы его убили?

Ангел в черном рассмеялся, причем совершенно искренне, хотя в его зеленых глазах стояло страдание.

– Поверь мне, Мэддокс поблагодарит нас утром, – проговорил он.

– Если прежде не убьет нас за то, что торчим в его комнате, – поправил его кто-то.

К удивлению Эшлин, несколько человек усмехнулись. Все тряхнули головой, выражая искреннее согласие. Только тот, кто наносил Мэддоксу смертельные раны, оставался неподвижен и хранил молчание. Не отрываясь, он смотрел на тело Мэддокса, и его черты были искажены болью и виной. «Вот и прекрасно!» – решила Эшлин. Она была рада, что он мучается из-за содеянного.

Чувственный мужчина, который полагал, что ни одна женщина не может перед ним устоять, удостоил ее еще одной медленной соблазнительной улыбкой.

– Положи меч, милая, пока не поранилась.

Девушка не пошевелилась, решив стоять до конца.

– Подойди и отними его у меня, ты... ты... животное! – выкрикнула она. Вызов прозвучал, и его уже нельзя было забрать назад. – Может, я и не умею обращаться с оружием, но если ты приблизишься ко мне, то мало не покажется!

Раздались вздох, смех, недоуменный шепот:

– Какая женщина может устоять перед Парисом?

– Давайте запрем ее в подземелье, – сказал тот, к которому обращались Аэрон. – От нее можно ждать чего угодно.

– Давайте, – отозвались остальные.

Пятясь к двери, Эшлин тряхнула головой и крепче перехватила меч.

– Я уйду. Слышали меня? Я уйду! И помяните мое слово: справедливость восторжествует. Вас всех арестуют и накажут.

– Мэддокс решит, что с ней делать, утром, – спокойно произнес мужчина с разными глазами, не обращая внимания на ее слова.

«Можно подумать, Мэддокс теперь сможет что-то решить...» – возмутилась про себя девушка. У нее затрясся подбородок, а глаза расширились от ужаса – убийцы ее благодетеля одновременно решительно шагнули в ее сторону.

«Не надо! Пожалуйста, не надо!»

Пауза. Удар.

Полный муки вопль.

«Моя рука!» – начались душераздирающие рыдания. – *Ты сломал мне руку!* – Рука Эшлин заболела в знак сочувствия невидимому незнакомцу – *Я не сделал... ничего... плохого...*

Голоса вернулись и звучали в полную силу.

Эшлин сжалась в комок на полу в темной сырой камере, дрожащая и перепуганная.

– Я только хотела найти того, кто сможет мне помочь, – прошептала она.

Но вместо этого попала напрямик в страшную сказку братьев Гримм, причем без тени намека на счастливый конец.

«Я буду. Буду. Дайте... только... один момент...» Этот монолог, полный злости, отчаяния и боли, звучал в ее сознании уже целую вечность. Но кроме того, она слышала еще один голос – крик Мэддокса, и он шел не из прошлого – его воспроизводила ее память.

– Ради этого ты оставила институт? – спросила себя девушка горько и с отвращением, тряхнула головой, желая убедить себя, что спит и все произошедшее с ней сегодня – просто ночной кошмар, что у нее на глазах никого не убивали и не пронзали снова и снова мечом. Но ничего не выходило. Мэддокс кричал... «Господи, как же он кричал! – вспоминала Эшлин. – От ярости и боли...» Никогда в жизни ей не доводилось слышать ничего столь же душераздирающего. По лицу Эшлин катились слезы. Образ Мэддокса, живого и мертвого, преследовал ее, сводил с ума. Перед ее мысленным взором стояло его лицо. Фиалковые глаза ярко сияли, мгновение – и они уже закрылись, чтобы больше не открыться, а высокое, смуглое, мускулистое тело стало кровотокающим, безжизненным.

Эшлин заскулила.

После того как убийцы Мэддокса бросили ее в подземелье, ей так и не принесли ни одежды, ни еды. Прошло много времени, но никто так и не вернулся, и она была этому рада. Ей не хотелось ни видеть, ни слышать, ни разговаривать с ними. Лучше уж терпеть холод и голод. Трясущимися руками она подняла ворот куртки. «Хорошо, что эти ужасные чудовища не отобрали ее, пока тащили меня в подземелье», – подумала она.

И вдруг что-то, радостно попискивая, пробежало через кончики ее пальцев. Эшлин в ужасе подскочила с пола. «О боже! Боже! Боже! – пронеслось в голове девушки, и она забилась в ближайший угол. – Мышь! Маленький пушистый грызун, который сожрет все что угодно, а где одна мышь, там и...» Живот свело спазмом. Эшлин принялась нервно озираться, но это ничего не дало: помещение было слишком темным, и она не увидела бы и собственной руки или даже монстра, будь они прямо у нее перед носом.

– Не дергайся, – приказала себе девушка и сделала глубокий вдох. – Успокойся. Сделай медленный выдох.

«Я скажу все, что ты хочешь знать, только, пожалуйста, не калечь меня, – снова взвыл Сломанная Рука. – Я не хотел пробираться внутрь. – Последовала долгая пауза. – Да, да, хорошо. Я хотел. Я затем и пришел, но только хотел посмотреть, кто живет здесь. Я не охотник. Клянусь – я не охотник!»

Знакомое слово резануло Эшлин слух, и она еще сильнее вжалась в стену. «Что сказал только что этот человек? – встрепелась она. – «Охотник». Убийцы Мэддокса и меня назвали охотником. Что это значит? Охотники за головами?» Девушка нахмурилась и потеряла опухшую, ноющую лодыжку. Как кто-то мог подумать такое о низкорослой, щуплой Эшлин?

– Не важно. Ты должна отсюда выбраться, Дэрроу, – вслух обратилась к себе девушка. – Мне надо рассказать властям о том, что случилось с Мэддоксом. Как они отнесутся к моей истории? А вдруг обитатели замка – ангелы, будь они неладны! Околдовали всех, включая обычных горожан, и теперь творят все, что хотят и когда хотят?

С губ Эшлин сорвался еще один всхлип; ее тело сотрясала дрожь. Никто не должен умирать так медленно и мучительно. «Так или иначе, я найду способ отомстить за Мэддокса», – решила она.

Мэддокс кричал.

Пламя окутывало его от макушки до пят. Плоть шла пузырями, лопалась, стекала прочь, оголяя кости. Еще мгновение, и последние обратились в пепел. Но Мэддокс по-прежнему оставался в сознании, помня, кто он, отдавая себе полный отчет в происходящем и в том, что завтра он вернется в огонь. Боль была настолько сильной, что невозможно терпеть. Воздух насыщали дым, гарь, копоть. Мэддокс с отвращением осознавал, что эта копоть когда-то была им.

Прошло немного времени, и все вернулось на круги своя: копоть сгустилась в облако, уплотнилась и вновь превратилась в тело, в человека, который снова начинал пылать в огне. И снова кожа, участок за участком, лопалась и таяла, показывались мышцы, которые застилал поток оранжевых искр, постепенно обращая в небытие. И снова гарь рассеивалась, а затем сгущалась, чтобы все могло повториться заново. И еще, и еще, и еще...

Пока длилась экзекуция, Насилие ревел у него в голове, отчаянно рвался прочь, от удовольствия и насыщения, которые владели им, когда воин умирал, не осталось и следа. И их вой – его и Мэддокса – тонул в вихре стонов и воплей других истязаемых душ. Демоны, отвратительные крылатые твари с мерцающими красными глазами, скелетообразными лицами и толстыми желтыми рогами, венчающими их головы, сновали между пленниками, хохотали, дразнились, плевались.

«Одно из таких чудищ сидит во мне; правда, мое хуже», – подумал Мэддокс.

Местные демоны тоже знали это.

– С возвращением, братишка! – орали они, прежде чем облизать его огненными острыми языками.

Вплоть до этой ночи Мэддокс мечтал сгореть дотла, чтобы уже никогда больше не возвращаться ни в ад, ни на землю. Мечтал оборвать свое мучительное существование, уйти от боли. Вплоть до этой ночи, но не сегодня.

В этот раз желание затмевало боль.

Образ Эшлин стоял перед его мысленным взором, дразня пуще демонов. «Я подарю тебе блаженство», – казалось, говорили ее глаза, тогда как губы приоткрывались, мягкие, готовые к поцелую. Она была загадкой, которую он силился разгадать. Ее красивые янтарные волосы и медовые глаза сулили райское наслаждение. Она была прекрасна и очаровательна, и ее нежная женственность распалая его мужские инстинкты.

Невероятно, но факт: она хотела остаться с ним, даже пыталась вырвать его из лап убийц. Он не вполне понимал, почему она так поступала, но ему очень нравилось это воспоминание.

Раньше Мэддокс не знал, что собирается сделать с этой женщиной, теперь же знал наверняка. Он испробует ее на вкус. Ее всю, независимо от того, наживка она или нет, охотник или нет. Он просто хотел ее. «После всего, что я вытерпел, у меня есть право на толику счастья», – решил он.

Даже в бытность элитным воином на службе богов Мэддокс никогда не желал какую-то одну, конкретную женщину. После того как их прокляли, он лишь подбирал, что мог и когда мог. Но Эшлин была особенной. Он желал ее сильно, хотел немедленно.

«Куда Люсьен поместил ее? – думал он. – В комнату, что примыкает к моей? Наверное, сейчас она лежит, распластавшись на кровати, нагая, прикрытая лишь шелком простыни. Вот как я возьму ее, – решил Мэддокс, – не в лесу, как обычно, не на холодной, промерзшей земле, а в постели. Медленно входя и выходя из нее, я буду видеть ее лицо, ощущать нежность ее кожи». Тело его воспламенилось, и огонь этот не имел ничего общего с тем, что бушевал вокруг.

«Она хочет навредить нам. Мы навредим ей раньше», – отозвался на его мысли демон.

«Даже и не думай! – отрезал Мэддокс, силясь подавить Насилие, который, к его удивлению, прекратил выть и реветь и проявил интерес к Эшлин. – Я не чудовище!»

«Мы – одно, а эта женщина опасна», – возразил дух.

В этом демон Насилия был прав. И все же еще никогда прежде воин не сталкивался со столь хрупкой женщиной, как Эшлин. Одна в лесу, прекрасная и полная тайн. С убийцами на хвосте. Была ли она с ними заодно – это ему еще предстояло выяснить. Мэддокс решил, что разыщет и допросит ее утром, когда Люсьен вернет его душу в исцеленное тело. «Нет, – подумал он. – Сперва я к ней прикоснусь. Поцелую. Попробую на вкус каждый сантиметр ее тела, как только что воображал». Несмотря на боль, Мэддокс улыбнулся широкой блаженной улыбкой. Эта женщина смотрела на него счастливым взглядом, последовала за ним, попыталась спасти его. Она сама выбрала свою судьбу. И эта судьба ведет ее напрямик в его постель.

И только потом, закончив предаваться любви, он допросит ее. «И если выяснится, что она в самом деле наживка, – подумал Мэддокс, и в ответ на эти мысли его грудь наполнилась болью, – я обойдусь с ней так же, как и с охотниками из леса».

– Титаны свергли греков, – объявил Аэрон. Час назад он вернулся в крепость, переполненный новостями, и горел желанием ими поделиться, но возможность представилась только теперь. Суматоха наконец улеглась, но он понимал, что, как только смысл его слов дойдет до сознания воинов, разразится буря.

Нахмурившись, Аэрон плюхнулся на красный плюшевый диван. «Смертная женщина Мэддокса – больше не проблема, – думал он. – Надо же было наделать столько шума! Жаль, что нельзя было послушаться просьбы Мэддокса не трогать ее...» Оглядевшись, он схватил пульт от телевизора и выключил фильм, который смотрел Парис. Возбужденные стоны смолкли, а совокупляющаяся парочка исчезла с экрана.

– Перестань покупать эти мерзкие фильмы, Парис.

Парис отобрал у него пульт и вернул на экран прославляющую плотские радости картину, отключив, правда, звук.

– А я его и не покупал, – отозвался он без тени раскаяния. – Этому фильму уже лет сто. Называется «Распутные борчихи гуреш¹».

– С каждым днем ты все большеходишь на смертных, – проворчал Аэрон. – Ты же понимаешь, что это – гадость, правда?

– Аэрон, ты не можешь сделать заявление такого масштаба и сменить тему. Ты упомянул о... титанах? – вклинился в разговор Люсьен в своей обычной бесстрастной манере.

¹ Гуреш – национальная турецкая борьба, цель которой прижать противника спиной к земле. Борцы смазывают тело оливковым маслом, чтобы труднее было делать захваты. (Примеч. пер.)

«Бесстрастный» – это слово как ни одно другое подходило для описания демона Смерти. Люсьен держал под строгим запретом все движения своей души, ибо, случись ему выйти из себя, он делался силой, которой страшилась даже Ярость, – не просто зверем, но истинным демоном. Люсьен вышел из себя лишь однажды, но его друзья до сих пор не могли этого забыть.

– Да, объясни толком, – сказал Рейес и тряхнул головой, словно силясь понять. – Что происходит? Сначала Торин говорит, что охотники вернулись, потом Мэддокс приводит домой женщину. И вот теперь ты утверждаешь, что титаны захватили власть. Как такое возможно?

– К сожалению, возможно, – ответил Аэрон. Он запустил руку в коротко стриженные волосы и почувствовал, как острые волоски царапают ладонь. Ему очень хотелось сказать друзьям нечто утешительное. – Очевидно, титаны, веками томясь в заточении, наращивали мощь. Пару недель назад они вырвались из Тартара, напали на греков, поработили их и заняли престол. Теперь они – наши повелители.

Повисла тяжелая тишина, словно все переваривали неожиданные новости. Между воинами и греками, теми самыми богами, что прокляли их, давно пробежала кошка. Но все же...

– Ты уверен? – спросил Люсьен.

– Да, – ответил Аэрон. Вплоть до этой ночи он знал о титанах лишь то, что они правили Олимпом в «золотой век», время «мира» и «гармонии» – это были два любимых словечка охотников. – Они поместили меня в нечто вроде круглого зала суда. Их троны стояли по периметру, а я был в центре. На вид они гораздо мельче греков, но в их могуществе сомневаться не приходится. От них исходила какая-то пульсация, я чувствовал ее, даже почти видел. А на их лицах были написаны бескомпромиссная решимость и ненависть.

Минуло еще несколько минут напряженной тишины.

– Ненависть ненавистью, но есть ли хоть малейший шанс, что титаны освободят нас от демонов, а мы при этом останемся живы? – задал Рейес вопрос, который, несомненно, мучил их всех.

Аэрона и самого это очень интересовало. Ему хотелось верить в это.

– Не думаю, – отозвался он, проклиная себя за то, что разочаровал друзей. – Я спросил их, но они отказались обсуждать это.

Снова молчание.

– Это... это... – выпалил Парис.

– Невероятно, – закончил за него Торин.

Рейес помассировал челюсть.

– Если они не собираются освободить нас, чего же им надо? – спросил он, решив, что отсрочки перед новой порцией дурных новостей, видимо, не будет.

– Точно не знаю, но, как я понял, они собираются ощутимо присутствовать в нашей жизни.

Чем были хороши греки, так это тем, что, прокляв воинов, они не обращали на них никакого внимания, позволяя им жить как вздумается.

Рейес снова помотал головой:

– Но... почему?

– Хотел бы я знать.

– Они за этим тебя призвали? – спросил Люсьен. – Чтобы сообщить тебе о смене власти?

– Нет. – Аэрон немного помолчал, прикрыв глаза. – Они приказали мне... кое-что сделать.

– Что? – почти выкрикнул Парис, когда стало понятно, что продолжения не будет.

Аэрон обвел взглядом друзей, пытаясь найти верные слова.

Торин стоял в углу вполоборота. То, что он всегда соблюдал дистанцию, было вполне объяснимо. Рейес сидел напротив Аэрона. Смуглый, словно солнечное божество, воин выглядел чуждым миру простых смертных, тем более странно он смотрелся в этой уставленной техникой

и игрушками комнате. В ожидании ответа Аэрона он увлеченно ковырял кинжалом предплечье. Рейес то морщился от боли, то блаженно улыбался, а кровь текла у него по руке, образуя на коже теплые бордовые ручейки. Боль была единственным, что радовало его, заставляло чувствовать себя живым. Аэрон с трудом представлял себе, как его друг живет с этим. Парис, закинув руки за голову, развалился на диване, разрываясь между беседой и фильмом, – видимо, его демон не был готов оторваться от оргии. «Почему к его проклятию не прилагалось уродство? – иногда думал Аэрон. – По крайней мере, ему бы приходилось прикладывать усилия, чтобы соблазнять женщин. Так нет – едва они видят его прекрасное лицо, как сами начинают раздеваться».

Правда, Аэрон вспомнил, как женщина Мэддокса дала ему от ворот поворот. «Интересно почему?» – не переставал удивляться он.

Люсьен привалился спиной к бильярдному столу. Его испещренное шрамами лицо ничего не выражало. Скрестив руки на груди, он пристально, но совершенно равнодушно смотрел на Аэрона.

– Ну? – спросил он.

Аэрон глубоко вдохнул, затем медленно выдохнул.

– Мне приказали убить группу туристов в Будапеште. Четырех человек, – ответил он, прикрыл глаза и снова немного помолчал, стараясь заглушить в себе малейший проблеск чувств. Он понимал, что, только оставаясь холодным, сможет пройти через это. – Все они женщины.

– Что-что? – Парис почти подскочил на диване, тут же забыв про телевизор.

Аэрон повторил приказ богов.

Побледнев сильнее обычного, Парис покачал головой:

– У нас теперь новые хозяева. Мне это не нравится, я охренительно сбит этим с толку, но, черт возьми, я лопаю это, я говорю: о'кей. Но я не понимаю, почему титаны приказывают тебе, вместилищу Ярости, убить в городе четырех женщин. Зачем им это?! – воскликнул он, вскинув вверх руки. – Это черт знает что!

Он, может, и самый развратный мужчина, который когда-либо топтал землю, который, уложив подругу в постель, в тот же день забывал ее, но женщины всех рас, размеров и возрастов для него – хлеб насущный. Без них ему незачем было бы жить. И потому он не мог выносить, если существу женского пола делают больно.

– Они не объяснили, зачем и почему, – отозвался Аэрон, понимая, что знание мотивов богов ничего не изменило бы.

Сам Аэрон совершенно не хотел наносить вред этим женщинам. Он знал, каково это – убивать. Он убивал до этого десятки и сотни раз, но всегда делал это, повинувшись настойчивому желанию своего демона, а тот отбирал жертв с умом. Это были люди, которые били и издевались над своими детьми, получали удовольствие от того, что уничтожали себе подобных. Ярость безошибочно распознавал тех, кто заслуживает смерти, зная обо всех их постыдных деяниях.

Когда внимание демона было привлечено к тем женщинам, он изучил их и выяснил, что ни одну не в чем упрекнуть. И все же Аэрону приказали убить их. Если он выполнит распоряжение, если пустит кровь невинным людям, то уже никогда не будет прежним. Он знал, чувствовал это.

– Они ограничили тебя по времени? – спросил Люсьен все тем же бесцветным голосом. Он был Смертью, Ла Муэрте. Иногда его даже называли Люцифером, хотя эти люди, как правило, не переживали знакомство с ним, так что задачка Аэрона казалась ему на один зубок.

– Нет, но...

Люсьен повел темной бровью.

– Но?

– Они сказали, что если я не управлюсь быстро, то кровь и смерть застыт мой разум и я буду убивать всех и сокрушать все на своем пути, совсем как Мэддокс, пока не выполню приказ.

Это предупреждение было излишним. Ярость одерживал верх над ним много раз. Если демон приходил в движение, то его было невозможно обуздать: жажда разрушать нарастала до тех пор, пока Аэрон не ломался и не наносил удар. Но даже когда Ярость подчинял его сознание, ему не доводилось убивать невинного.

– Как ты должен сделать это? Это они, по крайней мере, тебе сказали? – спросил Парис замогильным голосом.

Желудок Аэрона сделал сальто и отчаянно заныл.

– Я должен перерезать им горло, – ответил он.

«Как бы мне хотелось отказаться подчиниться этим новым богам», – думал он. Но страх перед еще более жутким приказом заставлял его молчать.

– Почему они это делают?! – гневно возопил Торин.

Видимо, этой ночью каждому из них суждено было задать этот вопрос хотя бы по одному разу.

Аэрон не знал, что ответить.

Парис окинул его долгим тяжелым взглядом.

– Ты сделаешь это? – спросил он.

Аэрон посмотрел в сторону и опять промолчал, но он знал, нутром чувствовал, что те женщины обречены. Они попали в черный список демона и, пусть даже безвинно, скоро окажутся вычеркнуты. Одна за другой.

– Чем мы можем помочь? – спросил Люсьен.

Теперь в его взгляде появилась строгость.

Аэрон с размаху погрузил кулак в диванный подлокотник. «Я и так балансирую на грани добра и зла, – сокрушался воин. – И если совершу такое темное деяние, то это будет конец. Я полностью растворюсь в демоне».

– Я не знаю. Мы столкнулись с новыми богами, новыми последствиями, новыми обстоятельствами... Не знаю, что со мной будет... – произнес он, тогда как в его голове крутилось: «Скажи, просто скажи это!» – если я убью тех женщин.

– Можно ли уговорить их передумать?

– Не стоит даже пытаться, – отозвался он мрачно. – Они сказали, что мы последуем печальному примеру Мэддокса, если вздумаем бунтовать.

Парис вскочил на ноги и принялся нарезать круги по просторной комнате.

– Как же меня все это бесит! – проревел он.

– Что ж, а всем остальным это очень даже нравится, – сухо заметил Торин.

– Может быть, ты сделаешь этим женщинам одолжение, – сказал Рейес, следя взглядом за острием клинка, которым он процарапывал крест в середине ладони. Бордовые капли падали на его бедро. Именно из-за Рейеса и его привычек вся мебель была темно-красной.

– Может быть, в следующий раз мне прикажут забрать твою жизнь, – мрачно ответил Аэрон.

– Я должен подумать, – произнес Люсьен, а затем потер щеки и челюсть. – Должен быть какой-то выход.

– Может, Аэрону просто стоит вырезать весь мир, – протянул Торин раздражающим, насмешливым тоном. – В этом случае все вероятные будущие цели исчезнут, и нам больше никогда не придется возвращаться к этому разговору.

Аэрон оскалился:

– Не вынуждай меня делать тебе больно, Болезнь.

Пронзительно-зеленые глаза Торина светились недобрым весельем, а рот растянулся в издевательской ухмылке.

– Я задел твои чувства? Хочешь, я поцелую тебя? Уверен, от этого тебе полегчает.

Прежде чем Аэрон успел сорваться с места, впрочем, едва ли он рискнул бы броситься на Торина с кулаками, Люсьен закричал:

– Перестаньте! Нам нельзя ссориться! Мы пока не знаем масштабов того, с чем столкнулись. Но сейчас мы должны сплотиться больше, чем когда-либо, и действовать сообща. Ночка выдалась та еще, и она до сих пор не закончилась. Парис, Рейес, отправляйтесь в город и убедитесь, что там нет других охотников. Торин... не знаю... наблюдай за холмом или заработай денег.

– А ты чем займешься? – спросил Парис.

– Прикину все варианты, – мрачно ответил он.

Парис поднял брови:

– Как насчет женщины Мэддокса? Я смогу убить вдвое больше охотников, если проведу немного времени у нее между...

– Нет, – отрезал Люсьен, глядя в сводчатый потолок. – Помни, я дал Мэддоксу слово, что ее никто не тронет.

– Да, я знаю. Напомни-ка мне еще раз, зачем ты пообещал ему такой дебилизм? – поинтересовался Парис.

– Просто... оставь ее в покое. Она все равно осталась равнодушна к тебе.

– Что удивляет даже больше, чем вести о титанах, – пробурчал Парис. Затем он вздохнул: – Ладно. Я не буду распускать руки, но надо бы покормить ее. Мы сказали ей, что принесем еды.

– Может, лучше поморим ее голодом? – предложил Рейес. – Мэддоксу будет легче разговаривать с ней утром, если она ослабеет.

Люсьен кивнул:

– Согласен. На пустой желудок она с большей готовностью выложит правду.

– Мне не нравится эта идея, но я не возражаю, – отозвался Парис. – Судя по всему, я отправлюсь в город, не подзаправившись витамином D. – Он снова вздохнул. – Ну что ж, Боль, ноги в руки!

Рейес поднялся с дивана, и парочка покинула комнату. Торин ушел следом.

Люсьен подошел ближе к Аэрону и опустился в кожаное кресло возле него. Нос татуированного воина защекотал аромат роз. Он никогда не мог понять, почему Ла Муэрте пахнет как весенний букет. Должно быть, это наказание похуже полночного проклятия Мэддокса.

– Есть мысли? – спросил он, внимательно глядя на друга.

Впервые за много лет Люсьен казался не вполне спокойным. У него на лбу и меж бровями залегли глубокие морщины, отчего его испещренное шрамами лицо выглядело еще менее привлекательно.

Толстые и выпирающие шрамы пролегали по обеим сторонам его лица от конца бровей до подбородка. Люсьен никогда не рассказывал, откуда они у него, а Аэрон не спрашивал. Однажды, еще когда они жили в Греции, воин просто вернулся домой с болью в глазах и отметинами на щеках.

– Плохи наши дела, – продолжил Люсьен, не получив ответа, – в самом деле плохи. Охотники, женщина Мэддокса – впрочем, она-то как раз очень даже вписывается во все это – и вот теперь титаны. И все это за один день. Нет, я не верю в такие совпадения.

– Я тоже, – ответил Аэрон. Он поднес руку к лицу и принялся тереть кольцо в брови. – Думаешь, титаны хотят нашей смерти? Могли они подослать к нам охотников?

– Все возможно. Но что они будут делать с демонами, когда наши тела погибнут и духи вырвутся на свободу? И зачем приказывать тебе что-то делать, если они просто хотят видеть тебя мертвым?

«Хорошие вопросы», – подумал Аэрон, а вслух произнес:

– Не знаю, что тебе ответить. Не понимаю даже, как сделаю то, что от меня потребовали. Женщины невинны. Две совсем молодые, им слегка за двадцать, третьей под пятьдесят, четвертая – старуха. Наверное, она печет печенье для бездомных в свободное время.

Получив задание, он, как только покинул Олимп, отправился в Будапешт и разыскал этих женщин в одном из отелей. Увидев их во плоти, испугался еще сильнее.

– Нельзя ждать. Надо действовать быстро, – сказал Люсьен. – Мы не можем позволить титанам навязывать нам свою волю. Разумеется, есть какое-то решение.

По мнению Аэрона, перспективнее было бы подумать, как они собираются латать его несчастную, изодранную в лохмотья душу, когда страшное дело свершится. Впрочем, и с этим они едва ли смогут что-то поделать.

Они, погружившись каждый в свои мысли, некоторое время сидели в молчании. К несчастью, раздумье не породило ни одного ответа. Наконец Аэрон покачал головой. У него было такое ощущение, будто в нем только что поселился еще один демон – демон Обреченности.

Глава 5

Большую часть ночи, которая, по ее ощущениям, длилась целую вечность, Эшлин металась по камере. При каждом шаге лодыжка отчаянно ныла, напоминая о той надежде, что еще совсем недавно гнала ее сквозь лес и которой положили конец шесть ударов меча. Но все ее попытки найти выход были тщетны: в помещении, где ее заперли, не оказалось ни окон, как в башне, в которой томилась Рапунцель, ни магического зеркала, через которое можно было бы пройти, подобно тому, как делали это герои сказок о злых ведьмах. Какого-нибудь зарешеченного прохода в стене или лаза, куда можно было бы попытаться протиснуться, также не обнаружилось. В довершение неприятностей, блуждая в темноте, она потеряла мобильный телефон, толку от которого, впрочем, все равно не было – толщина стен не пропускала сигнал.

Время шло. Темнота, как казалось девушке, делалась все гуще, почти душила ее. Одно утешение – перестали шнырять мыши.

Эшлин забилась в угол. Больше всего на свете ей хотелось оказаться дома, просто закрыть глаза, а открыв их, обнаружить, что все это было не на самом деле и ей просто приснился дурной сон. Голоса, от которых она искала спасения на холме, уже не казались ей таким уж злом. «Зря я все это затеяла, – подумала девушка. – Что будет со мной из-за этого дурацкого эксперимента? Я могу лишиться работы и дружбы Макинтоша. Да что там работа, я сама уже никогда не буду прежней. Безжизненное лицо Мэддокса будет стоять у меня перед глазами до конца дней, приходить во снах. О господи!» Эшлин снова горько заплакала.

«Пожалуйста, отпустите меня!» – снова принялся стонать в ее голове голос из прошлого. – *«Пожалуйста! Клянусь, ноги моей больше не будет на вашей земле!»*

«Моей тоже!» – с горечью подумала Эшлин.

Внезапно в темноте прозвучал мужской голос:

– Ты что, всю ночь просидела в этой камере, женщина?

Эшлин онемела. Этот голос... Она готова была поклясться, что он прозвучал здесь и сейчас, не из прошлого.

– Отвечай мне, Эшлин! – повторил тот же голос.

Из тысяч голосов этот она не перепутала бы ни с одним другим. Хотя она слышала его всего ничего, он глубоко отпечатался в ее сознании. Затаив дыхание, она всматривалась в темноту, но так ничего и не увидела. «Нет, – решила она. – Конечно, этот голос звучит из прошлого».

– Эшлин! Отвечай же!

– Мэддокс? – пролепетала она, заикаясь.

– Отвечай на вопрос.

Внезапно дверь открылась, и помещение залил яркий солнечный свет. Эшлин сощурилась и заморгала, она почти ничего не видела. В дверном проеме стоял мужчина, высокий и мускулистый. Ее окутала тишина, удивительная всеобъемлющая тишина, совсем как тогда в лесу. Придерживаясь за стену, девушка попыталась подняться. «Такого просто не может быть, – пронеслось у нее в голове, – в волшебных сказках – да, но не в реальной жизни».

– Ты будешь мне отвечать или нет? – спросил мужчина, и в его голосе звучала угроза.

Эшлин набрала в грудь воздуха, чтобы ответить, но не смогла вымолвить ни слова. Густой, громкий, этот голос совершенно заморозил ее. Перед ней стоял Мэддокс. Ошибки быть не могло. Трясущейся рукой она вытерла все еще струившиеся по щекам слезы.

– Я не понимаю... – наконец выдохнула Эшлин.

«Это, наверное, сон», – пронеслось у нее в голове.

Мэддокс, вернее, мужчина, говоривший его голосом (ведь сам Мэддокс умер, и, как бы ни были похожи их голоса, это явно был кто-то другой), вошел в камеру. Некоторое время он

смотрел в сторону, словно собираясь с духом. Глаза Эшлин привыкли к солнечному свету, и она с жадностью рассматривала его красивое лицо. Те же темные брови, те же необыкновенные фиалковые глаза, окаймленные густыми темными ресницами. Тот же резко очерченный нос и красивые полные губы. «Как такое возможно?» – удивлялась Эшлин. Стоявший перед ней человек как две капли воды походил на мужчину, которого она повстречала прошлой ночью, – благодетеля, одним своим присутствием заставившего замолчать голоса у нее в голове.

Девушку озарила внезапная догадка – это близнец. «Ну конечно! – решила она. – Тогда все встает на свои места».

– Они убили твоего брата, – выпалила Эшлин, думая, что, возможно, он уже в курсе. «Может, он даже обрадовался, когда узнал об этом, – решила она. – А может, он поможет мне добраться до города и я смогу заявить о том ужасном преступлении, свидетелем которого стала в этих стенах, и справедливость восторжествует».

– У меня нет братьев, – ответил он, – по крайней мере, кровных.

– Но... но... – пролепетала она.

«С Мэддоксом все будет в порядке». Эшлин вспомнила, что тот красивый мужчина про-изнес нечто подобное. Девушка мотнула головой. «Нет, такое просто невозможно, – решила она. – Ведь я своими глазами видела, как он умер. С другой стороны, если он ангел... Ангел ведь вполне мог воскреснуть». У нее в горле встал комок. Что бы там ни говорили люди в городе, обитатели этого замка кто угодно, но уж точно не ангелы.

Наконец мужчина перевел взгляд на нее. Оглядев ее с ног до головы, он нахмурился.

– Они что, продержали тебя здесь всю ночь? – спросил он и обвел взглядом ее темницу, делаясь все мрачнее. – Скажи, что они дали тебе одеяла и воду и забрали их только перед моим приходом.

Все еще дрожа, Эшлин провела рукой по лицу, а потом по волосам, стараясь распутать сбившиеся за ночь пряди. «Должно быть, я вся в грязи, – подумала она. – Хотя какое это имеет значение?»

– Кто ты такой? *Что* ты такое?

Довольно долго он хранил молчание, внимательно разглядывая ее, словно какую-нибудь диковинку. Этот взгляд она знала очень хорошо – так на нее смотрели коллеги из института.

Наконец он ответил:

– Ты знаешь, кто я.

– Но ты не можешь быть им, – настойчиво сказала Эшлин, не желая допускать самой мысли, что человек, подобравший ее ночью в лесу, может быть таким же, как прочие обитатели крепости – злые демоны и убийцы. – Мой Мэддокс умер.

– *Твой* Мэддокс? – переспросил мужчина, и его глаза на миг полыхнули красным. – Твой? Она гордо вздернула подбородок, не удостоив его ответом.

Рот мужчины искривился в некоем подобии улыбки; протянув вперед руку, он поманил ее жестом:

– Подойди. Сейчас мы тебя отмоем, согреем и накормим, а после... – Он слегка запнулся. – Я все объясню.

Было понятно, что ничего этот человек объяснять не будет. У него на уме явно было нечто другое. Перепуганная до полусмерти, Эшлин не двигалась с места.

– Покажи мне свой живот, – наконец сумела выговорить она.

Он нетерпеливо покачал головой:

– Я сказал, чтобы ты подошла.

Часть ее существа стремилась к нему, готовая последовать за ним хоть в рай, хоть в ад просто потому, что этот человек как две капли воды походил на Мэддокса – лучшее, что с ней случилось в жизни. Тем не менее она осталась стоять на месте.

– Нет, – ответила она.

– Подойди ко мне, – настаивал он.

Она покачала головой:

– Я не сдвинусь с места, пока ты не покажешь мне свой живот.

– Я не сделаю тебе ничего плохого, Эшлин, – сказал он.

«Пока», – произнесенное, это слово повисло между ними, эхом отдаваясь от стен. Эшлин читала это в его глазах. Было также нечто странное в том, как он произносил ее имя: в голосе звучала какая-то чувственность, словно, попробовав его на язык, он нашел его вкусным и теперь смаковал.

– Эшлин, – повторил он.

Девушка вздрогнула и нахмурилась. «Он не должен желать меня, – решила она. – И уж точно, черт возьми, я не должна желать его».

– Ты не можешь быть моим Мэддоксом. Не можешь, и все.

Глаза мужчины снова на мгновение полыхнули красным.

– Это уже второй раз, когда ты называешь меня своим.

– Прости, – ответила Эшлин, не зная, что еще сказать.

Мэддокс избавил ее от пытки голосами, на короткое время, но все же. Она видела, как он умирал. Они были связаны. Он принадлежал ей.

– Не извиняйся, – ответил он более мягко. – Я действительно Мэддокс. А сейчас пойдем.

– Нет.

Устав спорить, мужчина сделал еще несколько шагов вперед. Теперь они стояли вплотную. От него веяло животной угрозой и какими-то древними ритуалами, которые разыгрывались в старые времена при свете луны.

– Если надо будет, я заброшу тебя на плечо, как прошлой ночью, и вынесу отсюда силой, – сказал он. – Но в таком случае я не ручаюсь, что ты покинешь эти стены одетой. Понимаешь меня?

Но вместо того чтобы испугаться или смутиться, Эшлин, напротив, приободрилась и почти полностью успокоилась. Только Мэддокс знал, как именно она попала в замок.

– Ну пожалуйста, – словно во сне, проговорила она, – просто дай мне взглянуть на твой живот.

Чем больше Эшлин настаивала, чтобы он показал живот, тем больше ей этого хотелось. «Что я увижу? – спрашивала себя она. – Защищенные раны? Или совершенно гладкую, неповрежденную кожу?»

Повисла пауза. Затем мужчина вздохнул.

– Похоже, что если кому-то и не суждено покинуть эти стены одетым, так это мне, – сказал он и потянул вверх край футболки.

Он оголил живот, но Эшлин не смотрела – она не могла оторвать взгляд от его удивительных, пронзительных фиалковых глаз. «Наверное, это потому, – думала она, – что они такие красивые, такие магнетические и глубокие, что в них просто невозможно не утонуть, раствориться без остатка». Но девушка прекрасно понимала, что дело не только в этом. «Если я опущу взгляд и увижу шрамы или запекшуюся кровь... – говорила себе она. – Если передо мной действительно Мэддокс...»

– Ты хотела посмотреть. Так смотри же, – сказал мужчина нетерпеливо и раздраженно.

«Ну же, посмотри вниз!» – мысленно приказала себе Эшлин. Усилием воли она перевела взгляд чуть ниже. У Мэддокса была мощная, жилистая шея. Опустив глаза еще ниже, девушка увидела частично выступающие в вырезе ключицы. Затем ее взгляд упал на мускулистую руку, удерживающую нижний край футболки на уровне сердца, соски, маленькие, коричневые и твердые. У него была красивая бронзовая кожа, которой она восхитилась еще вчера в лесу, и прекрасное тело с рельефной мускулатурой. И наконец, Эшлин увидела их – шесть

колотых ран. Никто не пытался их зашить, они просто сами затянулись коркой запекшейся крови. Раны явно были совсем свежие – они сами и кожа вокруг них были воспалены.

У Эшлин перехватило дыхание. Едва отдавая себе отчет в том, что делает, девушка протянула руку и осторожно дотронулась до одного из рубцов. Его поверхность оказалась жесткой, шершавой и теплой. У нее по телу побежали мурашки.

– Мэддокс, – выдохнула девушка.

– Ну наконец-то, – пробормотал он и поспешно подался от нее назад, словно от бомбы, которая вот-вот взорвется. Он опустил футболку, скрыв свои шрамы от посторонних взглядов. – Теперь ты довольна? Я здесь, и я не привидение.

«Мэддокс! – подумала Эшлин. – Это не близнец, не плод воображения. Не чей-то глупый розыгрыш. Мэддокс получил шесть ударов мечом в живот – это неопровержимый факт, я только что своими глазами видела едва затянувшиеся раны, лежал бездыханный, с остановившимся сердцем. И вот теперь он как ни в чем не бывало стоит передо мной собственной персоной».

– Но как? – пролепетала Эшлин. Она сама знала ответ, но ей нужно было услышать это от Мэддокса. – Ты не ангел. Значит, ты демон? Так о тебе и твоих друзьях говорили некоторые люди в городе.

– Чем больше ты говоришь, тем больше вредишь себе. Пойдешь ты со мной теперь или нет?

«Пойду ли я? – спрашивала себя девушка. – Разумно ли это? Что он имел в виду, говоря, что я врежу себе?»

– Мэддокс, я... – Она осеклась и замолчала.

– Ты просила показать тебе живот. Я показал. Ты сказала, что, если я сделаю это, ты пойдешь со мной.

«Есть ли у меня выбор?» – спросила себя Эшлин.

– Ладно, – согласилась она. – Я пойду с тобой.

– Только не пытайся сбежать. Последствия тебя не обрадуют. – Сказав это, он развернулся и пошел прочь из камеры.

Помедлив секунду, а затем другую, Эшлин двинулась следом, стараясь не отставать. Ее так и подмывало снова дотронуться до Мэддокса, ощутить жизнь, пульсирующую у него под кожей.

– Ты так и не ответил на мой вопрос, – сказала она.

По мере того как они удалились от камеры, становилось все теплее и теплее.

– Если ты скажешь, что ты действительно демон, то это ничего. Честное слово. Я смогу понять и принять это, – сказала она, а про себя добавила: «Я надеюсь». – Мне просто важно знать.

Ответа не последовало.

Солнечный свет лился сквозь витражи, окрашивая стены во все цвета радуги. Должно быть, ночь, проведенная без отдыха и пищи, ослабила ее – она то и дело спотыкалась.

– Мэддокс, – почти шепотом позвала она.

– Перестань болтать, – бросил он через плечо, быстро поднимаясь по лестнице. – Может быть, позже я отвечу на все твои вопросы.

Девушке, конечно, хотелось, чтобы он ответил прямо сейчас, но лучше уж так, чем вообще никак.

– Я поймала тебя на слове, – проговорила Эшлин.

Вдруг Мэддокс резко остановился, и не ожидавшая этого Эшлин врезалась в него сзади. Вскрикнув от боли в лодыжке и от неожиданности, она взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие. Мэддокс обернулся и смерил ее полным злобы взглядом. Сейчас его глаза казались совершенно черными.

– Ты в порядке? – процедил он.

Эшлин сжалась в комок. «Нет!» – чуть не закричала она, а вслух ответила:

– Да.

– Не лги мне.

– Прошлой ночью я подвернула ногу, – чуть слышно выговорила она.

Его лицо смягчилось, и он окинул ее взглядом сверху донизу, задержавшись на груди и чуть ниже талии. У девушки по коже забегали мурашки. Казалось, он мысленно раздевает ее, и она совсем не возражала. У Эшлин бешено колотилось сердце, между ног стало влажно. И внезапно ей сделалось безразлично все: ответы, боль в лодыжке, телесная усталость. У нее затвердели соски, низ живота напрягся от желания, кожа горела огнем. Она хотела только одного – чтобы он обнял ее и больше не отпускал. Не до конца осознавая, что делает, она протянула к нему руки.

– Не трогай меня! – выпалил Мэддокс, отскочив на следующую ступеньку. Его лицо снова стало жестким и непроницаемым. – Не сейчас.

Разочарованная, Эшлин опустила руки. «Перестань болтать! Не трогай меня!» – мысленно передразнила она.

– А дышать мне можно? – сухо поинтересовалась она. – Ты разрешаешь?

– Разве что очень тихо, – ответил Мэддокс, и уголки его губ слегка дрогнули, а черты лица снова немного разгладились.

Эшлин сощурилась так, что ее глаза превратились в узкие щелочки.

– Очень мило с твоей стороны. Огромное тебе спасибо.

Подрагивание губ переросло в широкую улыбку. У Эшлин перехватило дыхание. Он был прекрасен. Никого красивее она в жизни не встречала. И вот она снова оказалась на крючке и снова, не помня себя, протянула к нему руки. Ей это совершенно необходимо, она чувствовала, что просто не выживет, если хоть на миг к нему не прикоснется.

Мэддокс резко дернул головой, улыбка погасла. Чары спали. Опомнившись, Эшлин опустила руки и застыла, злая на него и на себя.

– Сперва я должен кое-что сделать, а потом трогай меня сколько влезет, – сказал Мэддокс глухим, низким голосом.

– Что именно? – Эшлин прикусила губу, наблюдая, как его глаза приобретают свой обычный оттенок.

Распространяясь от зрачка, сиренево-синий цвет постепенно вытеснял черный и вскоре залил всю радужку – необыкновенное зрелище.

– Не важно, – отрезал Мэддокс и, нахмурившись, протянул руку, словно хотел погладить Эшлин по щеке, но отдернул ее на полдороге, совсем как она сама за минуту до этого. Немного помолчав, он сказал: – Ты так мне и не ответила: ты провела в той камере всю ночь?

– Да.

– Ты что-нибудь ела?

– Нет.

– Тебе давали одеяла?

– Нет.

– Тебя кто-нибудь... трогал? – спросил он.

Эшлин увидела, как у него дернулся мускул на скуле. Один раз. Потом другой.

Она немного смутилась:

– Ну да, разумеется.

– Кто? – рывкнул Мэддокс, меняясь в лице. Его кожа побледнела, став почти прозрачной, и под ней проступило страшное скелетообразное лицо – ожесточенно ворочаясь, полыхая красными глазами-угольками, оно рвалось наружу.

У Эшлин, в ужасе наблюдавшей за этими переменами, сердце ушло в пятки. Нечто подобное уже происходило с Мэддоксом в лесу, и потом, когда его приковали цепями к постели, и во время предсмертной агонии, но даже тогда он не был настолько страшен в своем неистовстве. «Чего ты стоишь? Беги!» – пронеслось у Эшлин в голове. Словно угадав ее мысли, Мэддокс сказал:

– Не делай этого. – Его лицо исказила судорога. – Будет только хуже. Сейчас все пройдет. Так кто тебя трогал?

– Они все, – выдавила из себя Эшлин, не смея даже вздохнуть, не то что пошевелиться. – Кажется. Но что еще им оставалось? – Она не могла поверить, что защищает его убийц, но, видимо, это было единственным способом его утихомирить. – Как еще они смогли бы спустить меня в камеру.

Мэддокс немного успокоился. Скелетообразная маска исчезла, глаза стали привычного цвета.

– Они не трогали тебя... как женщину?

Эшлин помотала головой, немного успокоившись. «Слава богу, он разозлился на тех мужчин, а не на меня за то, что я донимала его расспросами», – мысленно обрадовалась она.

– Хорошо. Значит, они будут жить, – заявил Мэддокс и, забыв о наложенном им самим же на прикосновения вето, обхватил руками ее голову и приподнял ее таким образом, чтобы девушка смотрела ему в лицо.

Его горячее дыхание обожгло ей кожу, и снова у нее по всему телу разлились возбуждение и истома. Он был таким высоким, таким мощным, на его фоне она казалась крошечной.

– Эшлин, – мягко произнес Мэддокс.

Резкие смены настроения этого человека совершенно сбивали Эшлин с толку – только что он готов был рвать и метать, а теперь кажется милейшим из мужчин.

– Я не хотел пока об этом говорить, но если я не спрошу и не услышу ответа прямо сейчас, то меня просто разорвет, – сказал он. Повисла тяжелая пауза, затем, собравшись с духом, Мэддокс продолжил: – Прошлой ночью в лесу за тобой шли четверо мужчин, и я их всех убил.

– Шли за мной? – переспросила она. «Неужели кто-то из института увидел меня и увязался следом?» – спросила себя она. И только тут до нее дошел смысл его фразы целиком. Ее пробил озноб. – Ты *убил* их?

– Да.

– Как они выглядели? – выдавила она.

«Если доктор Макинтош погиб по моей вине...» – пронеслось в голове девушки. Эта мысль привела ее в ужас, с трудом она подавила рвущийся наружу горький стон.

Мэддокс описал мужчин из леса. По его словам, это были высокие сильные воины. Эшлин вздохнула с облегчением. В институте большинство сотрудников, в том числе сам Макинтош, достигли преклонного возраста. В основном они были бледными, с редкими волосами, в очках. Мгновение спустя облегчение сменилось стыдом. «Прошлой ночью оборвалась жизнь нескольких человек, – подумала Эшлин, – а я забочусь только о том, как бы они не оказались моими знакомыми».

– Почему ты сделал это?

– У них было оружие, и они хотели драться. У меня были два варианта – убить их или же умереть самому.

Мужчина произнес это без тени сожаления, просто сухо констатировал факт. «Куда я, черт возьми, попала?» – снова спросила себя девушка. Затерянный в лесах замок оказался настоящей обителью зла и насилия. И Мэддокс ничуть не отличался от прочих его обитателей: холодный, равнодушный убийца, он лишит другого жизни без малейших колебаний. «Но если

это так, – думала Эшлин, – то почему мне по-прежнему хочется, чтобы он крепко обнял меня и никогда больше не отпускал?»

Какие бы мысли и эмоции ни отразились у нее на лице, Мэддоксу этого оказалось достаточно – он получил ответ на свой произнесенный вслух вопрос. Он нахмурился, поджал губы. Эшлин поняла, что он явно недоволен. «Но почему?» – недоумевала она. Прежде чем Эшлин успела что-то сказать, Мэддокс резко развернулся и, бросив сквозь зубы:

– Забудь о том, что я тебя сказал, – стал подниматься дальше по лестнице.

– Подожди! – Эшлин подалась вперед, скривившись от возобновившейся боли в лодыжке, и ухватила его за локоть.

Мужчина остановился, медленно повернул голову и грозно воззрился на ее руку. Она тут же ее отдернула и отступила на шаг – не столько из-за его реакции, сколько потому, что у нее по телу снова побежали уже знакомые мурашки.

– Извини, – пробормотала Эшлин. «Не надо его трогать, – напомнила она себе. – Так будет лучше для нас обоих. Ведь мне нелегко даже просто находиться рядом с ним, а тактильный контакт начисто сносит мне голову». – Мэддокс?

Девушка видела его в профиль. Его лицо, насколько можно было судить, ничего не выражало.

– Да.

– Пожалуйста, не злись, что я спрашиваю, но... что ты такое? – И, поскольку он не отвечал и явно собирался идти дальше, Эшлин поспешно добавила: – Я ответила на твои вопросы. Пожалуйста, ответь и ты на мой.

Но Мэддокс так ничего и не ответил, но, по крайней мере, снова посмотрел на нее. Эшлин нервно облизнула губы. Он проследил взглядом за ее языком, его ноздри широко раздувались.

– Послушай, мир населяют самые разные необыкновенные создания – никто не осведомлен об этом лучше меня. Я не понаслышке знаю, что демоны существуют. Я просто хочу понимать, с чем имею дело, – скороговоркой лепетала она, понимая, что каждым своим словом лишь усиливает раздражение Мэддокса.

Но остановиться девушка уже не могла. «Если бы только он ответил...» – думала она. Эшлин и не подозревала, что тишина может быть такой мучительной и гнетущей. Наконец мужчина приблизился к ней, опустившись на одну ступеньку, но на сей раз это не было импульсивным порывом, его ум был холоден. Чтобы сохранить дистанцию, Эшлин тоже сделала шаг назад.

– Больше никаких вопросов, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты помылась, поела и немного отдохнула. Ты вся в грязи, едва держишься на ногах от голода, а под глазами у тебя огромные темные круги. Потом мы, может быть... поговорим.

«Опять он замялся на том же месте», – заметила девушка. Эшлин была на взводе; набрав в грудь побольше воздуха, она выпалила:

– Ты позволишь мне вернуться в город?

– Конечно нет.

«Кто бы сомневался», – горько усмехнулась про себя Эшлин. Как бы сильно ни тянуло ее к стоящему перед ней мужчине, инстинкт самосохранения был сильнее: она поняла, что должна любой ценой выбраться отсюда. «Кто знает, что у них на уме? – спрашивала себя девушка. – А вдруг завтра им придет в голову взять меч и наделать дыр у меня в животе? За ними не заржавеет. Вот только, в отличие от Мэддокса, я вряд ли восстану из мертвых. Слишком много неопределенности и слишком много насилия. Нет-нет, я не должна здесь оставаться. Надо бежать. Но как?»

Мэддокс приподнял бровь.

– Ты хочешь, чтобы я снова запер тебя в подzemелье, Эшлин? – спросил он, словно прочтя ее мысли.

Эшлин покачала головой. Угроза подействовала на нее отрезвляюще. «Не надо злить его, – решила она. – Он может убить меня или спустить назад в подполье, и тогда уж точно все будет кончено. Дорого же тебе обходится вожденная тишина», – усмехнулась она про себя.

– Зачем тебе в город? Ты хочешь с кем-то поговорить? – спросил Мэддокс. Он старался говорить спокойно, но напускная вежливость не могла никого обмануть, тем более что с его кожей опять начало происходить что-то неладное. – Кто-то будет беспокоиться, если ты не объявишься?

– Мой начальник, – честно призналась девушка. «Может быть, у них тут есть телефон, – подумала она. – И позже я смогу позвонить профессору. Или в полицию». Однако она тут же отменила мысль о полиции, вспомнив, что «ангелы», вероятно, давно подмяли ее под себя. «Да, лучше всего будет позвонить Макинтошу, – решила Эшлин. – Работникам института не привыкать иметь дело со всякой чертовщиной, наверняка они найдут способ вызволить меня, и я сумею вернуться к обычной жизни, навсегда вычеркнув из памяти старый замок и его мрачных обитателей».

– Кто твой начальник?

«Он действительно думает, что я скажу, подставив тем самым под удар ни в чем не повинного человека?» – удивилась Эшлин. Она собрала в кулак всю свою смелость и, не отвечая на его вопрос, сказала:

– Отпусти меня, Мэддокс. Пожалуйста!

Снова повисла тяжелая пауза. Мэддокс спустился еще на ступеньку, оказавшись вплотную к Эшлин. Ее снова обдало его горячим дыханием. Так они и стояли, глядя друг другу прямо в глаза. Наконец он нарушил тишину:

– Прошлой ночью я говорил тебе, чтобы ты возвращалась в город, но ты отказалась уходить. Более того, ты побежала за мной, звала меня. Ты помнишь это?

Конечно, Эшлин помнила.

– Минутное помешательство, – прошептала она, отводя взгляд.

– Это минутное помешательство решило твою судьбу, женщина. Ты останешься здесь.

Мэддокс отвел Эшлин в свою спальню. Он убил все утро на то, чтобы привести комнату в порядок: вымыл пол, заменил старый, перемазанный кровью, матрас на новый. Подготавливая почву для соблазнения, он наполнил для девушки ванну, принес блюдо с мясной нарезкой и ломтиками сыра, откупорил бутылку вина, застелил кровать роскошным шелковым бельем. Мэддокс был совершенно неискушен в подобного рода приготовлениях и по большей части ориентировался на рассказы Париса о том, что нужно делать, чтобы женщина настроилась на верный лад. «Кто знал, что им взбредет в голову на всю ночь засунуть ее в холодную камеру?» – досадовал он. Ладони Мэддокса непроизвольно сжались в кулаки. «Мне глубоко наплевать, будет девчонке здесь уютно и удобно или нет», – твердил он про себя, не до конца понимая, чья это мысль – его или демона, да не так уж это было и важно, потому что на самом деле – и он отдавал себе в этом полный отчет – ему не было наплевать.

Мэддокс заставил себя открыть рот и сказать:

– Прими ванну, переоденься и поешь. Никто тебя не побеспокоит. – Немного помолчав, он добавил: – Если тебе еще что-то понадобится, дай мне знать.

Эшлин вышла у него из-за спины и прошлась по комнате.

– Я бы не отказалась от свободы.

– Кроме этого.

Эшлин осмотрелась. Она была бледна и выглядела очень измотанной, едва держалась на ногах.

– А как насчет того, чтобы стереть мои воспоминания за этот и вчерашний дни?

– И кроме этого, – мрачно ответил Мэддокс, которому совсем не понравилось, что она хочет его забыть.

Она вздохнула:

– Тогда больше ничего не надо.

Мэддокс понимал, что сейчас самое время развернуться и уйти, чтобы, оставшись одна, она могла отдохнуть и выполнить его приказание, но ему совсем не хотелось уходить. Прислонившись к дверному косяку, он молча наблюдал за ней.

– И со многими женщинами ты так обходился? – спросила Эшлин будничным тоном, глядя ему прямо в глаза.

– Так – это как? – уточнил он, не отводя взгляда. «Приводил в замок? – думал он. – Пытался соблазнить?» У Мэддокса в горле встал плотный комок.

– Сажал под замок, – хмыкнула она.

Комок рассосался.

– Нет, ты первая, – ответил он, всеми силами стараясь скрыть разочарование.

– И что со мной будет дальше? – поинтересовалась девушка.

– Время покажет, – ответил Мэддокс совершенно искренне.

На лице Эшлин было написано, что ответ ей не понравился.

– Ты не мог бы выразиться более определенно?

– Боюсь, что нет.

Эшлин метнула на него рассерженный взгляд.

– Я тебя совсем не понимаю. С тобой невозможно найти общий язык.

Мэддокс пожал плечами.

– Мне давали и более нелестные оценки, – хмыкнул он.

– Не сомневаюсь, – съязвила Эшлин.

Но даже эта словесная перепалка не заставила мужчину уйти. Немного помолчав, он переменял тему:

– Я не знал, что из еды ты предпочитаешь, поэтому принес понемногу всего, что нашел на кухне. К сожалению, выбор был невелик.

– Спасибо, – коротко поблагодарила девушка и снова плотно сжала губы. Было видно, что в ней закипает ярость. Немного помолчав, она продолжила: – Не понимаю, почему я должна быть с тобой вежлива после всего, что ты со мной сделал.

– Проявил о тебе заботу?

Эшлин залилась краской и отвела взгляд в сторону.

После непродолжительного молчания Мэддокс спросил:

– У тебя есть мужчина, Эшлин?

Его уже некоторое время очень волновал этот вопрос.

– Я тебя не совсем поняла. Ты хочешь знать, замужем ли я? Нет. Встречаюсь ли я с кем-нибудь? Тоже нет, – ответила Эшлин. Однако, спохватившись, что из ее слов могут заключить, будто ее некому хватиться, она тут же торопливо добавила: – Но у меня есть друзья, которым я безразлична.

Поскольку Мэддокс ничего не ответил, она продолжила:

– Они будут меня искать.

– Их поиски закончатся ничем, – отозвался Мэддокс уверенным тоном.

«Четверо твоих друзей уже сложили голову по пути сюда. То же будет и с остальными», – подумал он.

Эшлин поднесла руку к горлу, как если бы ей было нечем дышать.

– Я не хотел напугать тебя, – сказал Мэддокс, и еще большой вопрос, кого из них двоих его слова озадачили больше – Эшлин или его самого.

– Я тебя не понимаю, – прошептала она.

Мэддокс тоже себя не понимал. «Странно и противоестественно, что я столько времени торчу здесь и болтаю с этой девчонкой», – мысленно удивился он. Мужчина выпрямился.

– Приводи себя в порядок. Я вернусь позже, – отчеканил Мэддокс.

Не дав Эшлин сказать больше ни слова, он развернулся, не оборачиваясь вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Мэддокс ушел очень вовремя. После того как он спросил, есть ли у Эшлин мужчина, демон внутри его ожил и усиленно заворочался, подстрекая его к насилию. Останься Мэддокс еще, он бы не сдержался и обнял ее. Обними он ее, они бы переспали, и тогда могло произойти что угодно. Опьянев от страсти и жарких поцелуев, Мэддокс вполне мог озвереть, впитаться в Эшлин зубами и ногтями и задрать несчастную насмерть. «Ну уж нет», – решил он. Эшлин была самой удивительной, нежной и очаровательной девушкой, какую он когда-либо встречал, и он желал обладать ею во всех смыслах. «Пусть она признала, что знает о демоне, а об этом может знать только охотник или наживка, я все равно никогда не причиню ей вреда, – решил он. – Пока я дышу, буду радовать ее, доставлять ей всевозможные удовольствия».

Уходя, Мэддокс запер дверь снаружи, чтобы девушка не сбежала. К комнате примыкала открытая терраса, но он знал, что Эшлин вряд ли попытается выбраться через нее: высота пятого этажа и вздымающиеся пиками каменные глыбы внизу почти полностью исключали этот вариант побега. И все же утром мужчина наглухо запечатал проход туда. На всякий случай.

Мэддокс решительно зашагал по коридору, мысленно надеясь, что его друзья окажутся в замке.

Этим утром он проснулся с мыслями об Эшлин и, хотя раны у него на животе еще не до конца зажили и немного побаливали, тут же принялся приводить в порядок комнату, сбежал на кухню за вином и едой. Закончив приготовления, Мэддокс пошел искать Люсьена, который оказался в комнате отдыха.

– Где девушка? – без всякого вступления спросил Мэддокс.

– В подzemелье, в камере, – ответил Люсьен, очень странно посмотрев на своего друга.

Кипя от негодования, Мэддокс со всех ног бросился туда. «Только бы они с ней ничего не сделали», – пронеслось у него в голове, пока он почти кубарем скатывался с лестницы, ведущей в подземную часть замка. Увидев Эшлин, всю в грязи, насмерть перепуганную, он окончательно вышел из себя. «Как они посмели засунуть ее на всю ночь в этот холодный каменный мешок без еды, без одеял, даже без воды? А если бы она замерзла тут насмерть? Или потеряла сознание от голода и жажды? А они бы даже не узнали!» – с ненавистью думал Мэддокс. Попадись ему тогда под руку кто-нибудь из виновных во всем этом безобразии, неминуемо пролилась бы кровь. Убедившись, что Эшлин в порядке, Мэддокс немного успокоился. Он представлял, как совсем скоро она будет лежать в его постели, нагая, готовая принять его в себя, и от этих мыслей ему становилось легче, чего, однако, нельзя было сказать о его демоне, который не только не притих, но, наоборот, стал терзать своего невольного владельца с удвоенной силой. Когда Мэддокс вышел от Эшлин, он был на волосок от срыва. Злой дух почти взял верх над ним, и ему надо было срочно выпустить пар. Он понимал, что, только дав выход закипающей внутри его ярости, сможет вернуться в комнату к Эшлин, прикоснуться к ней, обнять ее, не рискуя навредить ей.

«Эшлин... Прикоснуться к ней... Обладать ее нежным, хрупким телом...» Мэддокс не был в состоянии думать ни о чем другом. Снова и снова он прокручивал в голове, как они будут заниматься любовью, еще и еще, до полного изнеможения, во всех мыслимых и немыслимых позах. «Сейчас она немного придет в себя и тоже этого захочет», – с трепетом подумал он. Мэддокс заметил, как девушка смотрела на него – у нее на лице было написано, что она его хочет, не говоря уже о том, что она постоянно пыталась до него дотронуться. Но потом он расстроил, напугал ее, и негативные эмоции заглушили желание.

«Ты должен радоваться, что эта мерзкая наживка тебя боится», – мысленно обратился Мэддокс к самому себе и криво усмехнулся. «Должен»... Как же сильно он в последнее время ненавидел это слово! На самом деле Мэддокс не до конца был уверен в том, что Эшлин наживка. Она искренне удивилась, когда он сообщил ей о четырех мужчинах, шедших за ней через лес. Содеянное им привело ее в ужас, но ведь для женщины более чем естественно стонать всего связанного с войной и кровопролитием. «Да и потом, почему она с такой легкостью – сама, не под пыткой! – заговорила о демонах?» – спрашивал себя мужчина. Будь Эшлин наживкой, она бы скорее попыталась усыпить его бдительность, разыграв ни о чем не подозревающую простушку. И она не пыталась выманить Мэддокса из крепости или пустить внутрь посторонних. «Но это и неудивительно, – подумал Мэддокс, стараясь быть беспристрастным и учесть все обстоятельства, – ведь все это время она просидела под замком». Но как объяснить то, что произошло ночью? Рискую жизнью, Эшлин пыталась защитить его от тех, кого полагала его убийцами, чуть ли не на меч бросалась от горя и иступления, вместо того чтобы радоваться, что кто-то вот-вот выполнит за нее всю грязную работу. «Безумие! Полнейшая бессмыслица! Кто же она все-таки такая? – почти в отчаянии подумал Мэддокс, но тут же мысленно приказал себе успокоиться: – Хватит ломать голову! Ты завтра разберешься, кто она такая и чего ей здесь нужно, а сегодня... сегодня у тебя есть дела поважнее».

Мэддокс быстро шел по галереям и переходам по направлению к комнате отдыха. Его решительные шаги гулким и зловещим эхом отдавались под старинными каменными сводами. Сидящий внутри его злой дух урчал в предвкушении стычки. Наконец оказавшись у цели, Мэддокс остановился в дверях и окинул взглядом помещение. В комнате отдыха был страшный кавардак: везде валялись попкорн и всякий мусор. Возле одного из кресел громоздилась целая куча окровавленных салфеток и полотенец, из чего следовало, что тут недавно побывал Рейес. Телевизор на сей раз не работал, зато бильярдный стол производил такое впечатление, будто здесь шла оживленная игра, но буквально за минуту до прихода Мэддокса игроки по неведомой причине прервали ее, побросали кии и поспешно ушли. В комнате никого не было. Даже Люсьен ушел.

«Куда они все запропастились?» – удивился Мэддокс и принялся методично обходить крепость в поисках хоть одной живой души. Он заглянул во все общие помещения, побывал в сауне, спортзале, на закрытом баскетбольном корте, но так никого и не встретил. Тогда Мэддокс переключился на спальни. Дойдя до комнаты Париса, он без стука рванул дверь. Постель была смята, но пуста, повсюду валялись резиновые женщины, которых некогда в большом количестве закупил Торин, но если они и знали, где пропал хозяин комнаты, то вряд ли скажали бы. По стенам были развешаны хлысты, кандалы и прочие секс-игрушки, о назначении многих из которых Мэддокс даже боялся делать предположения. Тряхнув головой, он вышел из комнаты и пошел дальше по коридору.

«Бей! Рви! Круши!» – бесновался сидящий внутри его демон. Пытаясь не обращать внимания на призывы Насилия, Мэддокс вошел к Рейесу. Внутри не оказалось ни самого хозяина спальни, ни секс-игрушек. Зато оружия было в изобилии: пистолеты, ножи, «звездочки ниндзя» – казалось, здесь можно найти все что угодно. На полу лежал мат, покрытый пятнами засохшей крови. Также взору Мэддокса предстали боксерский мешок и пара гантелей. Стены украшало несколько вмятин, оставленных, судя по всему, кулаками. «Надо будет потом зайти и залапать их», – подумал Мэддокс.

«Бей! Рви! Круши!» – стучало у него в голове.

Комната Люсьена оказалась заперта, и на стук никто не отзывался. Спальни Аэрона и Торина тоже были пусты. Мэддокса трясло от бешенства, перед глазами прыгали черные пятна. Призывы демона переросли в нечленораздельный рев. Он так хотел Эшлин, но не мог вернуться к ней, пока не выпустит пар, но не знал, как сделать это, если никого нет! «Ни одной

чертовой души!» – взревел про себя Мэддокс. Почти бегом он снова пустился сквозь вереницу галерей и коридоров.

– Где вы?! – иступленно проревел он, остановившись, и со злостью впечатал кулак в стену. Один раз, другой. Стену украсили вмятины, очень похожие на те, что он видел в спальне у Рейеса. Костяшки пальцев саднило, но Мэддоксу были приятны эти ощущения – Насилие внутри его довольно заурчал. Пройдя еще немного, он снова приложился кулаком о стену. Время поджимало, не за горами была ночь, и, прежде чем она спустится на землю, он должен, нет – просто обязан раствориться в Эшлин, изведать каждый дюйм ее нежного тела, ибо неведение было мучительнее и страшнее, чем все пламя ада, вместе взятое.

«А что, если женщина, которую ты запер в спальне, только притворяется, будто желает тебя, и хочет таким образом выпытать информацию? – стремись доконать его, прошептал демон. – Что, если каждый раз, когда вы рядом, она думает о каком-то другом мужчине, чтобы достовернее изобразить возбуждение?»

Взревев, Мэддокс утопил кулак в стене по самое запястье. Пол покрылся кусочками камня. «Эшлин хочет меня! – возмутился он. – Меня, и больше никого! Не поддавайся! Не слушай, что говорит чертов демон!» – мысленно обратился он к себе. Насилие замолчал, удовлетворенный той ожесточенностью, с которой он выказывал собственнические чувства в отношении девушки.

– Какого черта ты портишь стены, вместо того чтобы чинить их? – раздался у него за спиной знакомый мужской голос.

Мэддокс резко обернулся. В другом конце галереи стоял Аэрон. Струившийся из окон солнечный свет причудливо выхватывал из полумрака мощную фигуру воина, играл на его темных волосах и татуированной коже.

Унявшийся было Насилие разыгрался с новой силой. Мэддокс ткнул пальцем в сторону друга и рявкнул:

– Вы заперли ее в подземелье!

– И что с того? – спросил Аэрон. Пробудившийся от сна, черный демон, запечатленный у него на шее, полыхнул красными глазами-бусинами. – Она заговорила?

– Заговорила о чем?

– О том, что забыла здесь.

– Нет.

– Тогда я сам с ней поговорю.

– Нет! – взревел Мэддокс, знавший, что Эшлин и так досталось. Образ девушки, скрючившейся на холодном полу камеры, встал у него перед глазами. Грязная, перепуганная, бледная как смерть, она дрожала. «Бей! Рви! Круши!» – взвыл Насилие.

– Где она? – потребовал Аэрон.

– Не твое дело! Но кто-то должен мне ответить за то состояние, в котором я обнаружил ее утром!

Аэрон вытаращил глаза. Фиалковые, по какому-то неведомому капризу природы как две капли воды похожие на глаза Мэддокса, они выражали искреннее удивление.

– Почему? Кто она тебе такая? – спросил он.

– Моя, – последовал ответ. – Она моя.

Аэрон пробежал языком по зубам.

– Не дури. Она наживка.

– Может, и так, – отозвался Мэддокс, всем корпусом подаваясь вперед. Его буквально трясло от ярости. – Но мне плевать!

– Тебе не должно быть плевать! И ты не должен был притаскивать ее сюда! – закричал Аэрон.

Столь же взбешенный, он сделал несколько шагов навстречу Мэддоксу. Тот, в свою очередь, понимал, что друг прав, но извиняться не собирался. Если бы снова пришлось делать выбор, то он бы поступил точно так же.

– Уведи ее в город и найди способ сделать так, чтобы она все забыла, – прорычал Аэрон. – Или прикончи. Она видела и слышала слишком много. Нельзя, чтобы она передала все это охотникам.

Разделявшее их пространство все более сокращалось. «Твое счастье, что я не вооружен!» – подумал Мэддокс. Будь при нем кинжал, он бы уже метнул его в Аэрона, прямо в его мертвое черное сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.